

**Дарья
Соїффер**

**Галерея
наших чувств**

СНИМАЙ
МЕНЯ ПОЛНОСТЬЮ

Дарья Владиславовна Сойфер

СНИМАЙ МЕНЯ ПОЛНОСТЬЮ

Серия «Счастливые истории Дарьи Сойфер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64093337

Снимаю тебя полностью / Дарья Сойфер: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-119348-5

Аннотация

Свадьба требует тщательной подготовки, особенно если ты – дочка чиновника. Комплексы комплексами, но изволь, чтобы все было идеально: платье, ресторан, торт... Юне удалось справиться почти со всем, разве что хорошего фотографа она так и не нашла. Такого, чтобы и снимки отличные сделал, и угодил ревнивому жениху. Как-никак профессионалы на дороге не валяются. По крайней мере, не валялись до того самого дня, когда Юна встретила Рому. Талант, да еще и гей? То, что нужно!

Правда, Юна не учла одного: иногда даже пара фотографий может перевернуть жизнь с ног на голову...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дарья Сойфер

Снимай меня полностью

Глава 1

Юна Лебедева

7 мин.

Слушайте, ни у кого нет приличного свадебного фотографа? То ли я себя накручиваю, то ли кругом одна лажа. Либо пафосные имиджмейкеры, которые тебя задрючат еще до того, как ты доживешь до первой брачной ночи, либо свободные художники, которые снимают загадочную мутную хрень, потому что они так видят.

Я хочу просто фото. Живые, естественные, без выпученных глаз и челюстей наружу, без дикого фотошопа. Клянусь, вот вчера видела портфолио, там невеста похожа на раскрашенное надгробие. Ну, знаете, эта новая фишка – добавлять цвет в черно-белые фотографии? Чтобы покойник выглядел так, словно только-только из рук ритуальных гримеров? Вот такая невеста.

Нет, я в курсе, люди несовершенны. Но так люто замазывать их телесным цветом в фотошопе... Лучшие пусть в

альбоме буду я, а не моя посмертная маска. Держите меня, я в панике. Месяц до свадьбы, а у нас только с рестораном все в порядке!

Кстати, какое приглашение вам больше нравится: серебряное с белым или нежный лотос?

Не успела Юна бросить телефон на пассажирское сиденье, как тот затрезвонил снова.

– Да чтоб тебя... – она и без того терпеть не могла садиться за руль, особенно в городе, а тут еще всех проперло с ней поговорить. Именно сейчас, когда она мучительно соображала, в какой ряд перестроиться, чтобы вписаться в эту жуткую развязку на Третьем кольце.

Ну, и кого несет на этот раз? «Игорь любимый». Причем второе слово он добавил собственноручно. Сбросить? Чтобы потом получить порцию ревности и подозрений? Вот уж спасибо, не надо.

– Да! – Юна включила громкую связь и прилепила телефон к специальному коврику на приборной панели.

– Нюш, ходим куда-нибудь? Я около твоего корпуса!

Юна стиснула зубы. Кому-то, может, и нравится, когда их называют, как круглую розовую свинку с косичкой, но только не ей. Звучит мило, если в тебе сорок пять кило веса, а талию можно обхватить двумя руками. В случае Юны Нюша больше тянуло на констатацию факта или оскорбление, чем на умильное любовное прозвище. Еще бы объяснил это кто-

нибудь Игорю...

– Я уже уехала, сдала в первых рядах. «Отлично», – добавила она гордо.

– Почему не предупредила? Не подождала? У нас препод задержался, потом еще готовились... Ты где?

– Еду на примерку... – она изо всех сил вцепилась в руль, даже пригнулась немного, как будто от этого повышалась маневренность машины. Странно, но помогло, и Юна попала в нужную колею дорожного лабиринта. – Йес!

– Что там у тебя? – тут же заволновался Игорь.

– Я за рулем, Гош. Созвонимся позже, а?

– Давай заберу тебя после примерки?

– Говорю же: за рулем! Машину мою на трос?.. Да куда ж ты лезешь-то, баран! Купят права... – Юна гневно вдавила клаксон, потом вдруг на глаза попался знак стрелки. – А... Погоди, здесь разворот, что ли?

– Все-все, не отвлекаю, – вздохнул Игорь и отключился.

Да, он выбрал не лучший момент. Отвлекать женщину за рулем – дело неблагоприятное. Отвлекать женщину за рулем, которая перед этим три дня сидела на жесткой диете, – прямой путь к ДТП. К счастью, Игорь понял это вовремя и успел спастись, а вот Юне от самой себя деваться было некуда.

Чем ближе подкрадывалась дата свадьбы, тем сильнее накачивала душная паника. Хотелось рвать на себе волосы, кусать ближних, превратиться в Кинг-Конга и рассекать, ударяя в грудь и дико вопя, по городским джунглям. Конечно,

Юна сдерживалась, как могла. Хотя бы потому, что среди ближних не было тех, кто услужливо позволит себя куснуть. Но каждую минуту ей казалось, что все. Еще немного – и внутреннее чудовище выберется на волю.

Плюс во всей этой суматохе Юна смогла разглядеть только один: впервые за четыре года учебы в институте ей было абсолютно наплевать на сессию. В смысле, вот вообще. Начхать. И фокус оказался в том, что хотя зубрить удавалось меньше, пятерки сами сыпались в зачетку, как будто халыва, призванная еще на первом курсе, наконец, расслышала и пришла. Юна даже разработала свою теорию: возможно, преподаватели чувствуют волнение, как хищники. И нападают только на тех, кому взаправду страшно. А если дома тебя замордовали флористами и оформлением ресторана, то политология-шмолитология... Не экзамен, а способ посидеть в блаженной тишине.

Юна была не из тех девушек, которые с рождения грезят о роскошной свадьбе. Не наряжала кукол в белые платья, мысленно выстраивая церемонию и рассаживая гостей. Не составляла альбомы с вырезками из журналов. Не скачивала приложения, где можно к своей фотографии приставлять разные вечерние прически.

О, с каким удовольствием Юна бы просто расписалась с Игорем в джинсах, а потом свалила куда-нибудь на Бали, в уединенный пляжный рай. Но здесь семья и жених выступили единым фронтом. Когда ты дочь депутата Мосгорду-

мы, твоя свадьба – достояние общественности. Нет кворума – нет штампа. Каждая деталь праздника – напоказ. Удивительно, что родители вообще разрешили ей хоть что-то выбирать.

Сама Юна считала, что любое платье сядет на нее, как на корову седло. Потому как если не дал тебе Господь талии, то и нечего делать вид, будто она у тебя есть. Разумеется, никто из гостей не заикнулся бы о лишнем весе невесты. И уж тем более продавщицы элитного свадебного салона. Эти могли часами рассуждать о бодипозитиве и о том, что каждая женщина прекрасна по-своему. Но Юна знала, что фотографии все равно попадут в сеть, и уже «предвкушала», как будет читать ядовитые комментарии про то, что детки политиков жируют на деньги налогоплательщиков.

Пятьдесят второй размер – это еще ничего, если ты двухметровый парень. Терпимо, если ты носишь свободные рубашки и одежду спокойных тонов. Но если тебе пришлось в голову на все это натянуть корсет – все. Считай, сама напросилась. Тем более что на свадьбе вокруг будут дочки папиных коллег, эти до зубовного скрежета идеальные фитоняшки. Идеальный фон, чтобы задуматься о веревке и куске мыла.

Вдобавок платье выбирала мама, та самая, которая, штудировав списки нормальных человеческих имен, остановилась на Юне. А потому надеяться на чудо не приходилось. Единственным шансом сохранить лицо был хороший фотограф.

Тот, что смог бы найти нужный ракурс, поймать какой-то внутренний шарм, незримое очарование, не акцентируя внимание на животе и бедрах. Ведь было же что-то такое в Юне, раз Игорь влюбился в нее и через полгода после первого свидания преподнес кольцо? Вот бы еще самой разглядеть это самое очарование...

К парковке перед салоном Юна подъехала злая. Злая на себя, что согласилась на цирк с нарядами, злая на Игоря, что он не защитил ее. Голодная, в конце концов, а потому злая в квадрате. И не успела она приметить свободное место, как телефон истерически взвизгнул новым звонком.

– Вы издеваетесь!.. – выдохнула Юна, потянувшись, чтобы ответить, и пока она мешкала, какой-то лихач ювелирно втиснулся прямо перед ее носом. – Твою мать! Куда ты прешь?

– Что за выражения, и почему ты до сих пор не на месте? – донесся из динамика мамин голос.

– Паркуюсь!.. Мам, пять минут! – Юна сбросила звонок.

Отлично! Ищи теперь, куда приткнуться. Что, всем резко приспичило выходить замуж? Откуда весь этот аншлаг вообще? Юна раздраженно фыркнула, рывком переключилась на задний ход и дала по газам.

Хруст, крик, толчок... От испуга Юна не сразу сообразила, где тормоз. Только бы никого не сбила! Да, переволновалась, забыла взглянуть в зеркало, но ведь несколько секунд назад там никого не было. Правда ведь, да? Юна сжала руль,

зажмурилась, не решаясь вылезти и посмотреть, что именно хрустело. Бродячая собака? Человек?.. Мамочки, только не человек!

Как только она собралась с духом и уже взялась за ручку двери, как кто-то забарабанил в заднее стекло.

– Эй! – донесся до Юны возмущенный мужской голос. – Ты что творишь?! Курица! Сдай вперед! Быстро!

От облегчения Юна обмякла в кресле, на лбу выступил холодный пот. Живой! Хотя бы живой, слава Богу! Правда, мгновение спустя мужик добавил пару слов на тему того, каким именно образом горе-водительница насо... Ну, насоби-рала на внедорожник и права. Поэтому к радости за благо-получный исход столкновения тут же присоседилась каверз-ная мысль о том, что в целом мир бы не слишком пострадал без такого нахала.

Покрывшись красными пятнами от жгучей смеси гнева со стыдом, Юна сдала вперед и вышла, наконец, выяснить, что именно хрустнуло. Зря, конечно, папа подарил ей «Инфини-ти». Привыкнуть к габаритам оказалось сложно, да и где бы еще применить все эти мощности... Но у папы всегда был свой взгляд на то, что именно нужно его единственной до-чери, и против воли Юна стала живым подтверждением сте-реотипов о золотой молодежи.

– Ты только посмотри... – простонал мужчина откуда-то из-под багажника.

Юна обошла свой громоздкий белый корабль и с удивле-

нием воззрилась на жертву, ползающую на корточках вокруг черной сумки. Первым, что бросилось в глаза, был бежевый плащ. Классический такой тренч. И удивляло не столько то, что кто-то расхаживает в верхней одежде в конце мая, сколько вообще сочетание мужчины с тренчем. Последний раз такое Юна видела в парке неподалеку от школы, и тогда она убегала с визгом. Не от плаща, разумеется, а от того, что его обладатель вывалил из-под полы. И сейчас картинка вынырнула из памяти такая яркая и отчетливая, что Юна поперхнулась и закашлялась. А легкий шарф, обмотанный вокруг шеи? В плюс двадцать? Кто так вообще ходит?

Мужчина поднял голову и выстрелил в Юну свирепым взглядом.

– Простите, – выдавила она, зачем-то пряча руки в карманы толстовки.

А он ничего... В смысле, не такой жуткий, как можно было ожидать от человека в плаще. Лет двадцать пять максимум. Брюнет, модная небритость, стильная стрижка набок. Да еще и с укладкой. Следит за собой, значит, хотя бы отчасти приличный. Не станет размахивать складным ножиком, чтобы не запачкать шарф.

– Простите?! – передразнил он. – Да ты хоть представляешь, что натворила?! – он обреченно склонился над сумкой и процедил: – Корова...

Нет, просто показалось. Совсем не приличный. Быдло оно и есть быдло, под стрижками не спрячешь и духами не за-

брызгаешь.

– Знаете, что?! – возмутилась Юна. – Я вам не тыкала и не хамила!

– Конечно, всего-то раздавила оборудование... – он выудил обломки черного пластика. – Мой новый телик! В кредит!

– Вот только не надо врать, телевизор бы в эту сумку не влез!

– Телеобъектив! – пояснил он, шарясь в позвякивающих недрах. – О, господи! Отражатель, вспышка, широкоугольник... Даже карта памяти! Черт, последний фотосет! Что я им скажу...

– Так вы фотограф? – она с любопытством заглянула ему через плечо.

– Был... – в голосе плащеносца прозвучала такая боль, что Юне стало его жаль.

– Слушайте, если дело в оборудовании, то это вообще не проблема. Сколько я вам должна?

Какое-то время мужчина молча перебирал осколки с таким видом, будто прощался с телом любимой. Ссутулился, опустил голову, и Юна даже испугалась, что он заплачет. Этого ей еще не хватало!

– Ну? Назовите сумму! – потребовала она, чтобы хоть как-то привести его в чувство.

Впервые она видела, чтобы человек так расстраивался из-за пары объективов и вспышки. Юна не слишком разбира-

лась в примочках фотографов, но, судя по тому, что он упомянул кредит, стоимость должна быть нехилая. Иначе с чего вдруг падать на колени на пыльный асфальт? Ладно, допустим, тысяч пятьсот. Ну, миллион. Отец не сильно обрадуется, но ведь она виновата! И не станет уходить от ответственности! А взамен... Взамен можно, к примеру, продать «Инфинити». Так будет честно.

– Пятьдесят, – глухо отозвался он, наконец.

– Тысяч долларов? – уточнила Юна, и фотограф уставился на нее, как будто она посреди людной площади спустила штаны.

– Тысяч рублей.

– Всего?! Господи, париться из-за такой ерунды?.. Дайте ваш номер карты.

– Ерунды... – он поднялся и отряхнул колени. – Это моя работа! Вся моя жизнь! Хотя откуда вам знать, что такое работа... Подцепила богатого мужика – и гуляй. Он-то в курсе, что вы разбрасываетесь его деньгами?

Юна проглотила упрек, как ложку рыбьего жира. Если обижаться на каждого завистника, который винит окружающий мир в собственной несостоятельности, можно не вылезать из депрессий. Всем кажется, что если у тебя есть деньги, то твоя жизнь слаще сгущенки. Унижаться и растолковывать, что такое частная школа, хейтеры в сети и фальшивые друзья, которым интересны только счета твоего отца? Не дождется!

– И давно, по-вашему, богатые мужики делают содержанием коров? – парировала Юна.

Наконец-то ей удалось добиться от фотографа хоть какого-то сожаления. Видимости, по крайней мере.

– Я не это имел в виду... – слегка смутился он, оглядывая Юну.

– Ну да, – теперь уже она чувствовала, что преимущество на ее стороне, и с оскорбленной гордостью вскинула подбородок. – Давайте уже вашу карту, я переведу деньги.

– Можно через Сбер по номеру телефона, – он похлопал себя по карманам в поисках гаджета.

– У меня не Сбер.

– Я, кажется, забыл карту... – окончательно растерялся парень. – Сейчас... – он принялся сосредоточенно возить пальцем по экрану. – Я где-то ее фотографировал...

Юна терпеливо ждала, пока этот свободный художник листал свои снимки, и поскольку время шло, а он так и не находил нужных данных, машинально заглянула в чужой телефон... И уже не смогла оторвать взгляд.

Там были сплошь изображения полуобнаженных мужчин. Нет, Юна слышала, что среди творческих людей многие играют за другую команду. Но вот чтобы столкнуться с этим так близко... Любопытство оказалось сильнее воспитания, и Юна уже не пыталась скрыть интереса. Снимки завораживали. Мускулистые юноши, похожие на античных героев, в нежном умеренном освещении напоминали персонажей

странной, таинственной сказки. В них говорило все: поза, взгляд, поворот головы... Каждая фотография будто дышала, будто готова была ожить и нашептать свою историю. Игра света на коже, блики в темных выразительных глазах, – все это было пропитано эмоциями и глубиной. словно перед Юной были не просто кадры, а самые настоящие полотна живописца.

– Это что... Это все ваше? – выдохнула она, беззастенчиво разглядывая мужские тела.

– А вам какая разница? – нахмурился он, отворачивая от нее телефон.

– Нет, вы не подумайте, я не осуждаю! – тут же спохватилась она, чтобы не показаться нетолерантной. – Конечно, ваша жизнь меня не касается! Но эти снимки... Это же просто чудо!

– Серьезно? – удивился парень, как будто впервые слышал комплименты.

– А можно еще посмотреть? У вас есть какие-то контакты или...

– Макс не по этой части! И девушку... Хм... Развлекать не станет!

Боже, неужели все мужчины такие ревнивые?!

– Не бойтесь, я на него не претендую, – терпеливо пояснила Юна, наученная отношениями с Игорем, которому всюду мерещились конкуренты. – Я про вас! В смысле, про вашу работу! Вы берете заказы как фотограф?

– Допустим, – прищурился парень. – А что?

– Так, – Юна схватилась за телефон. – Дайте мне свою почту, я покажу ваше портфолио жениху... Ну, только лучше бы что-нибудь более нейтральное. Но если что, вы бы согласились снимать мою свадьбу через месяц?

Глава 2

Роман Кулешов

10 ч.

Молодые фотографы, а именно я и Vadim Kupriyanov, приглашаем желающих на БЕСПЛАТНУЮ съемку в эти выходные на Электрозаводской, 21. Студия «The CuSkoov's Nest». Предварительно записываемся через личку! Для некоммерческого проекта требуются:

- люди 60+, можно семейные пары;*
- мужчины 25–30 спортивного телосложения;*
- женщины 40+.*

От вас – разрешение на использование изображений, от нас – визаж, интервью и качественные снимки на ваш носитель. Чай и печенки прилагаются. Ждем!

– Надо срочно заказать новые объективы и вспышку! Вадь! Слышишь меня? – Рома сдернул с друга наушники, чтобы, наконец, привлечь внимание.

Вадим оторвался от ретуши и осоловелым взглядом человека, который всю ночь проторчал за компом, вперился в партнера. В студии ядрено пахло школьной раздевалкой,

зашторенные окна лишали всякого представления о времени суток. Вадик даже не потрудился убрать фона после вчерашней съемки. Шлялся где-то, потом явился на ночь глядя и божился, что за пару часов разгребет все долги по обработке. И вуаля.

– Че? – просипел Куприянов.

Рома оглядел поле брани: смятые банки энергетиков, пустая коробочка из-под пиццы с засохшими корками и фантики от шоколада.

– Ты вообще ложишься?

– А ты мне мать, что ли? – Вадик потер красные глаза и откинул голову на спинку кресла. Видимо, делал он так нередко, потому что маленький хвост на темечке превратился в мочалку. – Черт, уже утро...

– Уже обед, – Рома плюхнул на стол кофр с осколками.

– Ты, блин, аккуратнее! Еще полгода кредит отдавать!..

Вместо объяснений Рома просто расстегнул и продемонстрировал другу печальное содержимое.

Вадик был парень крепкий. Уже хотя бы потому, что отслужил в армии. Ужастики смотрел спокойно, даже находил в них повод поржать. И любил рассказывать историю, как дядька в деревне под мухой отнял себе два пальца бензопилой, так Вадик не растерялся, положил пальцы в пакет с замороженной клюквой и на тракторе довез родственника до областной больницы. В тринадцать-то лет. Проще говоря, слова «Вадик» и «страх» Рома никогда не употреблял в од-

ном предложении. Но сейчас Куприянов побледнел, вжался в кресло и заорал, как главная героиня черно-белого хоррора. Вперемешку с воплями вылетали такие выражения, что, запиши их Рома, вышел бы новый трек «Ленинграда».

– Как же ты, нехороший человек, допустил такую досадную неприятность? – сказал бы Вадик, если бы пытался разговаривать литературно.

– Расслабься, мне все компенсировали, – сжалился Рома и выложил все, что случилось с ним полчаса назад.

– Типа никаких убытков? – Вадим недоверчиво покосился на грудку осколков.

– Типа да, – Рома вытащил единственную уцелевшую линзу и сквозь нее посмотрел на приятеля. – И я накинул пятерку на проценты по кредиту. Так что живем! Только надо срочно заказать новые объективы. И вот насчет Соколовских... Не смотрел еще, что там с картой памяти, но есть шанс, что их сет... – и Рома печально щелкнул языком.

– По хрену, – отмахнулся Куприянов. – Попробуй восстановить, если что – предложим переснять. Главное – деньги при нас... Твою маковку, я чуть кирпичей не отложил!

– Есть еще кое-что, – Рома поднял с пола пустой пакет, встряхнул и принялся собирать мусор. – Эта девка... Ну, которая раздавила объективы... В общем, она предложила снять ее свадьбу.

– Да ладно! И что, хорошо платит?

– Я не обговаривал еще. Как-то... Не знаю, по-моему, она

стебется.

– Зачем ей?

– Ну... – Рома зажал коленями коробку от пиццы, чтобы получше утрамбовать. – Такие, как она, свадебных фотографий на дороге не подбирают.

– Что, сильно мажорная?

– «Инфинити Кью-Икс-семьдесят». Сам-то как думаешь?

Вадик присвистнул.

– Мало ли какие у нее загоны! Надо брать и заламывать по максимуму. Внесем за аренду, новый экран... А потом еще подружек своих подгонит.

– Так-то оно так, но...

– А с чего она вообще предложила? Типа чтобы извиниться?

– Фотки Макса увидела.

– О-о-о... – протянул Вадик и двусмысленно гоготнул. – Тогда ясно. Может, думает, что он тут будет в труселях свет настраивать... А что? За отдельную плату можно устроить.

– Хорош! – Рома швырнул пакет с мусором в угол. – Все равно она передумает.

– С фиги ли?

– Я... – Рома ковырнул заусенец. – Короче, я назвал ее коровой.

– Да брось, она же понимает, что это про ее вождение!

– Как тебе сказать... Там вполне можно было принять на свой счет...

– Толстая, что ли?

– Ну, не так чтобы...

– Ясно.

– Что тебе ясно?

– Долбонавт ты редкостный, вот что! – Вадик обреченно помотал головой.

– Можно подумать, ты у нас прям джентльмен! – не выдержал Рома. – Посмотрел бы я на твои манеры, если бы она при тебе раздавила объектив! Ты б еще и обматерил сверху!

– Если бы на «Жигулях» раздавила – да, – Вадик пнул стол и отъехал на кресле в сторону. – А так надо было грамотней делать! Сказал бы, что она и тушку фотика раскокала! И стряс минимум двести штук. Лошпед несчастный.

– Так у меня тушка в рюкзаке была...

Вадик с видом глубочайшего презрения скривился и провёл по лицу пятерней.

– Ладно, – вздохнул он, наконец. – Главное теперь, обстригать свадьбу. Упустишь такую клиентку – пожалею, что взял тебя партнером в дело.

Это еще кто кого взял, интересно знать? Рома сдернул с шеи дебильный педерастичный шарф. Куприянов – молодец, сидит тут, жрет и знай себе раздает советы. «Этот плащ – последний тренд. Ты должен показать, что разбираешься в фэшн-индустрии». «Веди себя с клиентом так, как будто у тебя полгода вперед расписаны». «Надо было сказать, что она фотоаппарат раскокала»... Хренов гуру!

Нет, конечно, Вадик внес в студию свою лепту. Если бы не шило в нижних полушариях и наполеоновские амбиции в верхних, никакого бизнеса бы не случилось. Рома шел на курсы фотографов за мечтой, за творчеством. Пассивно грезил о выставках, книгах, мировом признании... Рома вообще был из тех людей, кому достаточно перед сном нарисовать в воображении сладкую картину светлого будущего, а потом повернуться на бок и захрапеть. Как и многие талантливые люди, он отчаянно нуждался в крепком пинке и деловой смекалке. И если бы Вадик не удерживал друга в суровой рыночной реальности, как веревочка от воздушного шарика, Рома так бы и витал в тонких материях, фотографируя московские крыши, тени на асфальте и игру света в стакане с водой.

Рома родился в столице, вырос в тихой интеллигентной семье, где весь коридор от пола до потолка уставлен книгами, где пылится давно расстроенное пианино из бабушкиной молодости, а дырки и сальные пятна на обоях прикрыты мамиными пейзажами. И когда твой отец, профессор на кафедре высшей математики, зарабатывает на хлеб, готовя избалованных и бестолковых подростков к ЕГЭ, а главные домашние оскорбления – «конъюнктурщик» и «мещанин», волей-неволей вырастаешь одухотворенным, но абсолютно не приспособленным к конкуренции. Особого стимула отводить место под солнцем у Ромы никогда не было. Ну, то есть он понимал, что хорошо бы, конечно, уже начать прояв-

лять себя и неплохо бы открыть свое дело, но все это оставалось в планах. Потому что Рома всегда знал: что бы ни случилось, он придет домой, в Потаповский переулок, где найдется горячая еда, теплая, хоть и скрипучая, постель, и побираться на вокзале ему не грозит. И без дополнительного толчка так бы и остался диванным мечтателем.

Тем самым необходимым толчком оказался Вадим. Рома встретил его на курсах фотографии и поначалу просто не обратил внимания на среднестатистического паренька из глубинки. Но Вадик обладал уникальной способностью адаптироваться к любой ситуации, как таракан, и становился своим в доску в любой компании. Не прошло и месяца, как он начал одеваться как хипстер, выбрил виски и обзавелся модным хвостиком. От искусства ради искусства Вадик был далек, зато отлично понимал, где, на чем и когда именно можно подзаработать. Если видел добычу – вгрызался зубами в ляжку и висел, пока не добивался своего. Он приехал из Воронежа, потому что в один прекрасный день сходил на свадьбу друга. Узнал, сколько заплатили модному фотографу из Москвы, и решил, что с этих самых пор такая хлебная нива, как шелканье затвором за бабки, ни за что не обойдется без Вадима Куприянова.

Вадик умел засыпать сидя, стоя, возможно, даже на голове, если бы понадобилось. Ночевал в хостелах, кинотеатрах, цеплял девчонок ради ночлега, таскался по впискам, жарил в забегаловке картофель фри, но к своей цели двигался шаг

за шагом. Именно Вадик счел, что Рома – самый перспективный из студентов, а потому сдружился с ним и едва ли не за шкуру потащил Кулешова в большой бизнес. Куприянов-Кулешов. Ку-ку. Немного мороки с ООО «Кукушкино гнездо», пара недель в арендованных костюмах у Красной площади, – а кто же не хочет сфотографироваться со Сталиным? – потом кредит и аренда бывшего офиса на Электрозаводской. Вот лишь вкратце та история, которую Вадик однажды планировал превратить в мемуары миллионера и доносить олухам на бизнес-форумах за большие деньги.

Пока же Вадика вполне устраивала громкая должность финансового директора и нехитрые обязанности по удалению клиентских прыщей в фотошопе. Обладая безупречным чутьем, Вадик понял, что именно из Ромы надо делать главного творческого гения «Кукушкиного гнезда». И именно интеллигентского сыночка стоит показывать избалованной столичной публике. В Роме было все: трепет перед аппаратурой, бережное отношение к мелочам, задумчивый взгляд и опрятный вид. Немного метросексуальности, эдакий фешн-плевок в дополнение к образу – и вперед к народной славе.

Рома, будучи человеком ведомым, слушался. Бухтел иногда про себя, погружался в сомнения, но делал, что говорят. Вот и теперь не прошло и получаса, как он уже с недовольным видом набирал мажорную невесту, которая изволила раздавить объективы. Золотых деток Рома не переваривал давно, слишком уж много наглых идиотов приходило

на занятия к отцу, и слишком хорошо Рома успел усвоить, что этим капризным взбалмошным инстанциям не интересно ничего, кроме лайков к своему последнему луку.

– Юна? – спросил он, услышав в трубке мягкое вопросительное «алло».

– Да! Роман, я ждала вашего звонка, уже нашла вашу страничку в фейсбуке и посмотрела снимки на сайте.

– А... И что? – только и смог выдавить Рома, отчего-то забыв добрую половину словарного запаса.

Вадик уже театрально хватался за голову от такого «филигранного» общения с клиентом, но Юна, казалось, была слишком возбуждена, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

– Мне очень нравится! – с горячностью ответила она. – И я показала Игорю... Ну, он считает, что качество, конечно, неплохое, но немного беспокоится, что у вас нет именно свадебного портфолио.

– Да, свадьбы мы не снимали, – признался Рома, и Вадик мгновенно изобразил, что стреляет себе в висок. – Не снимали, – с нажимом повторил он больше для друга, чем для этой Юны. – И если это для вас проблема, то мне жаль, что потратил ваше время.

Однако не успел Рома даже потерять ушибленное место, в которое Вадик метко швырнул муляж яблока, как Юна поспешила возразить:

– Нет-нет! Что вы! По мне, так даже лучше, если у вас бу-

дет свежий взгляд. Сделаем нестандартный альбом, правда же? Безо всех этих... Ну, знаете, когда жених держит невесту на ладони...

Рома не сдержал улыбку. Водит эта Юна, конечно, из рук вон, но со вкусом не все потеряно. Рому самого всегда передергивало от затейников, которые придумали дешевые трюки с перспективой.

– Насчет этого можете не беспокоиться.

– Не сомневалась, – по голосу Юны было слышно, что она тоже улыбается. – Давайте поступим так: мы с Игорем приедем к вам в студию, сделаем несколько пробных снимков... Нам все равно пригодятся для прессы. Ну, так, в домашнем стиле, понимаете, да?

Нет, он не понимал. Какая пресса? Зачем им домашний стиль? Но задавать такие вопросы вслух было бы слишком недаленовидно. Да и в следующий раз вместо яблока Вадик мог метнуть вазу, в которой оно лежало.

– Угу, – неопределенно промычал Рома.

– Ой, супер! Хотите, мы сегодня подъедем к вам. Если, конечно, у вас есть свободное время и визажист.

– Сегодня? Визажист?... – протянул Рома, оглядывая «Кукушкино гнездо».

Вадик отчаянно замахал руками, потом чиркнул пальцем по горлу. Впрочем, и без этого Рома понимал, что студия еще не готова к приему VIP-клиентов. Нет, сам-то он уже успел полюбить здесь все, в каждую мелочь были вложены стара-

ния. Псевдокирпичные стены, отреставрированное кресло с барахолки, канделябр с блошиного рынка, фотофоны из Китая. Даже деревянные ящики, которые ночью Вадик ставил в ряд, накрывал матрасом и использовал как кровать, а днем делал элементом декора в стиле «лофт». И все же Рома догадывался, что для девушки на «Инфинити» эта обстановка будет прямым эквивалентом помойки.

– Нет, – помедлив, объявил Рома. – Сегодня у визажиста все расписано, студия тоже занята...

Вадик, бешено вращая глазами, подскочил к напарнику и, больно потыкав его пальцем в грудь, зачем-то изобразил лыжника. А, нет, просто спортивную походку... В смысле?

– Сам к ней иди... – inferнальным шепотом лорда Волдеморта озвучил свою идею Вадик.

– А, да, – кивнул Рома. – Сегодня в студии работает мой партнер.

– Макс? – услужливо подсказала Юна. – Понимаю.

– Да нет, Вадим. В общем, у меня есть окно на сегодня. Если хотите, я приеду к вам и сделаю пробную сессию в домашней обстановке.

– О, это вообще супер! Заодно и родителям покажу. Игорь, ничего, если сегодня фотограф придет? – спросила она куда-то в сторону, и до Ромы донесся мужской голос. – Да. Отлично. Тогда я вам адрес скину... Часикам к восьми, окей?

Договорившись о формальностях, Рома положил теле-

фон.

– И нечего радоваться, – мрачно добавил он, глядя, как Вадик с видом ковбоя дует на несуществующие кольца и убирает их в воображаемую кобуру. – Может, еще ее жениху не понравлюсь. Там все серьезно, по ходу... Какая-то прес-са...

– Погодь! – напрягся Вадик. – А как ее зовут? Юля? А фамилия?

– Ю-на, – поправил Рома. – Фамилию не знаю... А, она в фейсбуке у меня была. Может, добавилась? – он заглянул в телефон. – Да вот. Юна Ле...

– ...бедева, – хором с другом закончил Вадик. – Телевик мне в задницу!

– А что, ты ее знаешь?

– А что, ты не знаешь?! Дочка Лебедева!

– Ну ясно, что не Воробьева!

– От ты бандерлог... Лебедев! Депутат! Олигарх!

Рома не смог разделить восторга, просто пожал плечами.

– Короче. – Вадик вытер рот футболкой, потом стянул ее, накинул рубашку, дыхнул себе на ладони и вытащил из заднего кармана мятную жвачку. – Я еду с тобой. Пока ты не завалил нам всю перспективу.

Глава 3

Юна Лебедева

30 мин.

Народ, а кто-нибудь знает в Москве приличную танцевальную студию? Лучшие – в Краснопресненском районе. И вообще, как считаете, первый танец молодых – это обязательный позор? Мы вроде собирались, но после примерки платья я уже не уверена... Игорь хочет, но я вся в сомнениях. Evgeniya Velichko, что думаешь? И покидайте, пожалуйста, какие-нибудь романтические треки. Только не слишком быстрые и не танго. Чтобы на каблучках осилить.

Кстати, фотограф на примете уже есть, так что ждите фоточек)) Все, целую, побежала готовиться.

Юна взбила свежезавитые локоны и придирчиво всмотрелась в свое отражение в трюмо. Если она что и любила в себе, так это волосы. Густые, каштановые, а уж если немного подкрутить щипцами, то целая копна. Конечно, каждый день на такие упражнения не хватало ни терпения, ни сил, и обычно главное достоинство Юны было просто собрано в небрежный узел. Но уж ради фотосессии стоило постараться. Тащиться в салон времени не оставалось, но Юну это не

особо расстраивало. У нее был повод посидеть в тишине собственной комнаты, повозиться с кисточками, тенями, разными примочками для макияжа, коих накопилось уже два сундучка. Каждая женщина имеет право расслабиться. Особенно если внизу, на первом этаже квартиры, мать с подружками уговаривает уже вторую бутылку рислинга, а Айгуль печет шоколадное печенье, и дивные запахи витают по всей гостиной.

О, шоколадное печенье Айгуль... До смерти вредное – и почти до экстаза вкусное. Нежное, рассыпчатое, пряное... С кусочками грецких орехов и цитрусовой ноткой сушеных кумкватов. Если бы общество не предписывало выходить замуж за мужчин, Юна бы официально оформила свою тайную любовную связь с печеньем Айгуль. Вот как жить без него в новой квартире? Игорь – добрый, заботливый. Но его поцелуи не лечат ПМС, не избавляют от тоски или внезапно навалившейся грусти. С чем пить чай, если все сладости мира – всего лишь жалкая тень божественного печенья Айгуль?..

Юна покосилась на свое отражение, опустила голову, нарочито выпячивая второй подбородок. Надула щеки. Фу, толстая. А эта складка на животе? Какое тебе печенье, Лебедева? Хочешь, чтобы платье треснуло перед всеми? Хочешь, чтобы в первую брачную ночь Игорь отвернулся и захрапел, но не после секса, а вместо оногo?

Если уж по-честному, Юна боялась того, что последует за церемонией. И нет, пугали не супружеские обязанности,

а реакция Игоря. Как и девяносто девять процентов современных невест, к двадцати трем годам Юна имела не только теоретические познания об интимных радостях. У нее был парень и в одиннадцатом классе, и в летнем языковом лагере в Греции, и короткая интрижка с лыжным инструктором в Альпах. На лыжах она, правда, кататься так и не научилась, зато полное отсутствие комплексов у немцев оценить успела. Вот только ни один из этих товарищей узаконить отношения не спешил, в отличие от Игоря. И что самое забавное, именно Игорь отложил постельный тест-драйв до штампа в паспорте. Складывалось ощущение, что он решил блюсти себя в чистоте, словно это его заставляют рассекать перед столичным бомондом в платье цвета невинности.

Нет, Юна намекала жениху, что ничего не имеет против. Не так чтобы слишком рьяно, все же она была не из тех женщин, которые способны оседлать парня на скаку, взнуздать и отъездить обязательную программу. Но Игорь проявлял невиданную стойкость.

– Постой-постой, не сейчас, – прерывисто выдыхал он, отстраняясь всякий раз, когда Юна пыталась сделать их ритуальные ласки за просмотром фильма предварительными. – Я так не могу.

– Да ладно, ничего такого, – она кокетливо закусывала губу.

– Нет. Твой отец так на меня смотрит... Не хочу, чтобы он меня потом кастрировал.

Н-да. Великий и ужасный Лев Львович Лебедев. Повелитель мигалок и мандата. Юнин отец умел произвести впечатление. Тяжелые густые брежневские брови, взгляд палача и шаляпинский бас, закаленный на дебатах, митингах и в думских склоках. Того самого Шаляпина, который Федор, разумеется.

Лев Львович словно был рожден для того, чтобы самые страшные кошмары дочкиных ухажеров сделать явью. Человек, который был директором шиноремонтного завода, не ведал жалости. Это он спугнул Юниного школьного бойфренда одним рукопожатием, и это он отправил за дочерью телохранителя, когда она сбежала на вечеринку к подружке после комендантского часа. Удивительно, как он не втиснул дочь в пояс верности. Возможно, даже собирался, просто не нашлось нужного размера трусов из титанового сплава со спутниковой системой «Глонасс», колючей проволокой и желтой молнией.

Вот уж чего Юна делать не собиралась, так это знакомить Игоря с отцом. Все шло неплохо, третье свидание, уютное кафе, поцелуи, горячие и терпкие, как глинтвейн... В тот день родители Юны собирались в оперу. Не то чтобы они были ценителями классической музыки: мама предпочитала симфоническому оркестру любого из Иглесиасов, отец мог часами, подперев подбородок и мечтательно глядя вдаль, слушать родимый шансон. Но депутатская должность обязывает светиться на мероприятиях, одобренных свыше. И пат-

риотическая опера про князя Игоря, к вящему сожалению Льва Львовича, была в их числе.

Словом, у Юны были все основания считать, что квартира будет в полном ее распоряжении. Пригласила Игоря, зажгла ароматические свечи... Свидание шло как по маслу, пока вдруг снизу не прогремело душераздирающее «Айгу-у-уль».

Для человека, который не знал, что Айгуль – это всего лишь домработница Лебедевых, прозвучало как боевой клич Конана-варвара. Игорь перепугался так, что Юна всерьез забеспокоилась о его мужском здоровье. Говорят же, что парни особо уязвимы в моменты страсти и мочеиспускания.

Пришлось срочно задувать свечи, одеваться и раскладывать учебники, как будто студент-финансист заглянул помочь коллеге с политологического. Мама настояла на том, чтобы Юнин гость присоединился к скромному семейному ужину, а отец, до чертиков злой из-за того, что опоздал на оперу, с таким ожесточением кромсал баварскую колбаску и сверлил Игоря фирменным взглядом исподлобья, что бедный парень сжал коленки и ограничился стаканом воды без газа.

С тех пор Игорь упорно пресекал все посягательства на свою мужскую честь, отношения стали серьезными, а Юна переживала, не разочарует ли она жениха после свадьбы. Иногда даже закрадывались сомнения, не сделал ли Игорь предложение из банального страха перед Львом Львовичем, но Юна старательно отгоняла дурные мысли.

Во-первых, Игорь ее ревновал. К однокурсникам, преподавателям, курьерам. Ко всем, кто смотрел на Юну дольше положенного. А ревновать невозможно из страха, только из любви, разве нет? Во-вторых, Игорь и сам был из состоятельной семьи, его отец владел сетью спортивных магазинов. Вообще-то Юну материальные аспекты брака волновали мало, но приятно было осознавать, что жениху нужна именно она, а не наследство ее папы. Она трезво смотрела на мир и знала, что девушка с лишним весом и девушка с лишним весом и отцом-депутатом – разные вещи. Шансов встретить парня, который бы принял ее саму, стремились к нулю. Бедные западали на «Инфинити», богатые – на фитоняш. Поэтому, увидев в Игоре счастливое исключение, Юна решила его не упускать.

И теперь, услышав звонок в дверь, еще раз встряхнула локоны, расправила подол бледно-розового платья до колен и поспешила открывать.

Впрочем, особо можно было не торопиться: маман оказалась проворнее. Что нетрудно, если у тебя фора в пару десятков метров и личный тренер по йоге. Или, как он себя называет, духовный наставник. А потому голос жениха Юна слышала уже на середине лестницы.

– Елена Геннадьевна! Прекрасно выглядите, – радушно приветствовал будущую тещу Игорь.

На что маман кокетливо отмахнулась.

– Гош, сколько раз тебе говорила: отчество меня старит!

Не позорь меня перед подругами. Просто Лена.

Юна закатила глаза. Чего мелочиться? Сразу бы сказала: «Ленусик»! Неужели она не понимает, как жалко все это выглядит, когда женщина за пятьдесят строит из себя девочку? Даже если у нее соответствующая фигура. Юне «повезло» унаследовать отцовскую комплекцию. Это маме для сытости хватало шоколадных обертываний и хорошего алкоголя, а на ее талию не повлияли ни роды, ни возраст. Юне страшно было представить, что станет с ней самой после первого ребенка, а ведь Игорь говорил, что хотел бы и сына, и дочь...

– Проходи, Гошенька, выпей с нами! – поманила будущего зятя Елена Геннадьевна.

На белом диване уже тостовала вечная мамина армия: клуб депутатских жен. Их отличал друг от друга только цвет маникюра, волос и одежды. Все, как на подбор, стройные и ухоженные, все неопределенного возраста, который можно условно обозначить как «слегка за тридцать». Эти милейшие женщины проводили вместе чуть ли не каждый день. Дружно возлегли в СПА, дружно опустошали бутики, дружно скакали на аэробике.

Юна старалась не попадаться им на глаза, чтобы не чувствовать на себе эти сочувственные взгляды: на нее смотрели так, словно она была не дочерью Ленусика, а ее раковой опухолью. Полнота для них была страшнее любой болезни, и всякий раз Юне казалось, что они до смерти боятся подхватить чудовищный вирус лишнего веса. Немудрено обрести

комплексами, когда ты в двадцать с небольшим выглядишь хуже собственной матери.

И Юна застыла на лестнице, мысленно умоляя Игоря не соглашаться на аперитив, а сразу подняться на второй этаж. Сработало ли чудо любви, или просто Юнины габариты не позволили ей остаться незамеченной, но счастливый жених увидел ее и расплылся в улыбке. И девичье сердце дрогнуло: не так все плохо, если кто-то чувствует тебя без лишних слов.

– Нюша! – радостно воскликнул Игорь, и нежный трепет разбился вдребезги.

Опять эта свинская кличка...

– Привет, – Юна постаралась не выглядеть расстроенной.

– А у меня для тебя подарок! – Он отступил в сторону и дал отмашку кому-то сзади.

Двое ребят в спецовках протащили огромную коробку, завернутую в золотую бумагу, с красным бантом.

– Мне?.. – растерялась Юна.

Подарок! Такой большой! И ведь до свадьбы еще целый месяц – а уже такие приятные сюрпризы. Разве не счастье – выйти замуж за такого романтического и заботливого парня?

– Давай открывай скорее! – Игорь отпустил курьеров и в предвкушении потер руки.

– Ты ее так быстро избалуешь, – вмешалась Елена Геннадьевна. – Ну же, Юн, не томи! А то мне придется забрать его себе!

Разумеется, она имела в виду подарок, но на мгновение Юну царапнуло неприятное чувство, будто речь идет про ее жениха. Черт бы подрал эту диету! Сплошные нервы, и мысли дурацкие лезут, когда не надо... Стараясь не думать о плохом, Юна поспешила к коробке. Сняла бант, потянула на себя бумагу...

– Велотренажер! – объявил Игорь.

Впрочем, нужды особой в этом не было: Юна и так увидела изображение на картоне.

– Последняя модель, к отцу только-только поступила партия из Штатов, и я сразу подумал о тебе, – и он помог невесте убрать остатки бумаги. – Тут много скоростей, есть пересеченная местность, регулировка... Выдерживает до ста пятидесяти килограммов.

Последнее было особенно романтично. Юна приложила все силы, чтобы улыбнуться, но губы как будто свело судорогой. Вело-, мать его, тренажер. И кому? Спортсменке, которая готовится к Тур де Франс? Начинающей бизнес-леди, которая собирается открыть фитнес-клуб? Или, может, девушке, которая не мыслит дня без круговой тренировки, а каждое утро начинает с пробежки? С тем же успехом Игорь мог бы подарить ей тайские таблетки для похудения, утягивающие трусы или кочан капусты.

Велотренажер. Нет, в глубине души Юна понимала, что Игорь хотел ее порадовать. Знал, что она хочет похудеть к свадьбе и дико мучается от этого. Но так обидно ей еще ни-

когда не было. Как будто он не сюрприз ей сделал, а в лицо заявил: «Ты толстая! Хочешь быть со мной и дальше – худей. Тебя выдержит только этот тренажер для тяжеловесов, вот будь любезна, крути педали, пока не станешь похожа на человека».

– Спасибо... – выдавила Юна и нагнулась, словно хотела рассмотреть надпись внизу коробки.

– Ой, какое чудо! – восторженно пропела Елена Геннадьевна. – Милая, это же то, что тебе нужно! Скоро будешь такая красотка, что все попадают! Игорь, ну до чего ж ты у нас чуткий! Мы ей столько раз дарили абонемент, но с этой учебой у нее совсем времени не хватает. А теперь прямо дома... Замечательно! Только чур не жадничать, я тоже хочу опробовать. Да, Юн? Девочки, ну до чего же ей повезло, скажите?

И девочки наперебой кинулись нахваливать подарок Игоря.

– Вот редкий мужик знает, что действительно нужно! – со знанием дела сообщила Инга. – Мой постоянно тащит какие-то цацки... Скука!

– А давайте распакуем и устроим гонки? – предложила Татьяна. – Кто быстрее всех, тот... Ну я даже не знаю... Игорь, вы ведь установите нам тренажер?

Юна не спешила выпрямиться. В носу уже свербело от подступающих слез, а обидеть Игоря не хотелось. Что с ней не так? Почему она просто не может обрадоваться подарку

своего жениха?..

От необходимости отвечать самой себе на этот вопрос из-бавила мелодичная трель видеодомофона.

– Я открою! – выпалила Юна и кинулась к двери, пока Игорь не заметил ее состояния. На маленьком мониторе маячил сегодняшней новый знакомый и еще какой-то парень с хвостиком. – Роман, открываю! Десятый этаж!

Юна никогда не думала, что будет так рада снова встретить этого не слишком любезного, но, бесспорно, талантливого парня. И все же теперь он явился так вовремя, что она чуть было не бросилась к нему на шею. Еще пять минут – и ее усадили бы на несчастный велотренажер, подвергнув публичному унижению. Боже, благослови... Э-э-э... Ну, того величайшего человека, который изобрел фотографию, как бы его ни звали.

– Роман, здравствуйте! – Юна чуть не подпрыгивала от нетерпения. – Это мой жених Игорь, моя мама, Елена Геннадьевна...

– Просто Лена, – тут же встряла возмущенная женщина. – А кто это? Ты не говорила, что ждешь гостей!

– Мой новый фотограф.

– О, а почему вы сразу ко мне не обратились? – Инга с любопытством оглядела новоприбывших. – Последний раз мне делал снимки такой чудный мастер... Он дорого берет, но это просто восторг! Показать не могу, сами понимаете, там ню... Но это что-то!

Юна не сомневалась, что все, что связано с ню у маминых подружек, – это что-то, но предпочла бы не говорить об этом накануне своей свадьбы и в присутствии своего жениха.

– Пойдемте, – торопливо встала она, пока Инга не поведала еще чего-нибудь эдакого. – Поговорим на кухне.

Там, как назло, прямо посередине стола уже источало неземные ароматы печенья Айгуль. Оно будто нашептывало: «Возьми меня! Откуси! Я помогу тебе забыть про велотре-нажер...»

– Итак, – Юна схватила Игоря под локоть, чтобы чем-то занять руки. – Что насчет пробной фотосессии? Здесь будет нормально?

– Да, антураж неплохой... – Роман огляделся, положил сумку с техникой на стул. – Сейчас модно делать, как будто вы вместе готовите или пьете кофе. Но я бы посоветовал невесте выбрать что-то другое из одежды.

– Простите, а почему мы должны ориентироваться на ваши советы? – сухо бросил Игорь. – Моей невесте очень идет это платье.

– Никто не сомневается, – кивнул парень с хвостиком. – Но цвет ткани... На снимках будет почти сливаться с кожей. Лучше что-то поконтрастнее.

– А вы?.. – Игорь поднял бровь.

– Вадим, – коллега Романа протянул руку.

– А разве вы сегодня не в студии работаете? – удивилась Юна.

– Да, работаю, – тут же кивнул Вадим. – Но одна съемка перенеслась, и я решил помочь. Так что, Юна, может, подберете другой наряд?

– Ну... – она закусила губу, мысленно перебирая гардероб. – Есть синяя блузка. Или вот еще платье, примерно такой же длины. Черное.

– То черное? – оживился Игорь. – В котором ты была на последнем ужине? Симпатичное, да.

– Вы уверены, что хотите быть в черном на предсвадебной фотосессии? – изогнул бровь Роман.

Юна озадаченно замолчала, но Вадим тут же бросился спасать положение.

– Мой партнер может помочь вам с выбором, – услужливо предложил он. – В нашем агентстве консультации по стилю входят в стоимость сессии. А если вы закажете свадьбу, то мы сделаем еще хорошую скидку...

Но Игоря привлекла не скидка, а совсем другое слово.

– Партнер? – удивленно переспросил он. – Это у вас так... Официально?

– Гоша! – Юна смущенно ткнула жениха в бок. – Я же предупреждала!

– Ну да, а в чем проблема? – нахмурился Роман.

– Да нет... – Игорь пожал плечами. – Смело... Ладно, говорят, у вашего брата хороший вкус. Иди, Нюш, покажи товарищу свои наряды.

Глава 4

Роман Кулешов

2 ч.

Мысли вслух. Многие заказывают семейные фото в студии. Домашний стиль – но в студии. А зачем? Что вы хотите вспоминать: наш интерьер, красивые подсвечники и корзину с фруктами? Или все же ценнее сохранить настоящую память? Тот самый диван, пусть не идеальный, детский рисунок на обоях, плюшевого медведя с одной лапой, с которым играло не одно поколение? Да, всем хочется бросить в инстаграм что-то, что не стыдно показать. Но ваши подписчики просто пролистают очередную картинку, может, ткнут в нее сердечком. Может – нет. А ценные домашние воспоминания останутся с вами навсегда. Подумайте, что именно вы хотите сохранить.

Не то чтобы Рома видел в своей жизни много невест, но все же как-то иначе представлял их себе. Разве свадьба – не главное событие в жизни каждой женщины? Они ведь помещаны на этом. Момент триумфа. «Вот она я, принцесса, и это меня берут замуж. Выкусите, подруженьки». Тогда почему дверь открыла девушка с таким лицом, будто вот-вот со-

биралась развеветься? Или Рома недооценил мощь предсвадебной лихорадки?

Странно, но Юна не была похожа на золотых деток, которые приходили заниматься к его отцу. Она все суежилась, одновременно стараясь всем угодить и всем понравиться. Даже с ними, с Ромой и Вадиком, общалась как-то заискивающе. Словно за каждым ее предложением стояло: «Боже, вы согласились меня снимать? Спасибо-спасибо-спасибо! А хотите, я вам еще линзы протру?»

Рома этого не понимал. Если ты живешь в роскошном доме на Зоологической, если в твоей квартире два этажа, а на полу – итальянский мрамор, то не наплевать ли тебе на то, кто там будет щелкать затвором?

Нет, розовое платье было симпатичным. Ну, сливалось с тоном кожи. Ну, полнило слегка из-за объемных складок. Но Рома брякнул свое «фе», просто чтобы что-то сказать. Или чтобы не казаться самому себе нищевродом в этом великолепии. Однако Юна занервничала, тут же начала виновато предлагать другие варианты. И еще постоянно снизу вверх косилась на своего Игоря. Она точно невеста или ее неделю назад подобрали в приюте?

Сам того не желая, Рома проникся сочувствием к девушке. В ней было что-то трогательное, непосредственное. Она вызывала необъяснимое желание похлопать ее по плечу, заступиться или просто пообещать, что все будет хорошо. С чего бы, казалось, ей такое говорить? У нее и так вроде все

неплохо...

Но когда Игорь отправил ее в свою комнату переодеваться, как нашкодившего ребенка, и она послушно засеменила к лестнице, Рома смог приглядеться получше, и до него стало доходить, что к чему. Во-первых, эта компания дамочек в гостиной. Живая иллюстрация к словам «лифтинг», «косметология» и «подтяжка». Если бы ботокс имел запах, то в комнате стало бы невозможно дышать. А так – разило обычным снобизмом. И Юне наверняка доставалась самая большая порция.

Роме не нравились взгляды, которые он на себе ощущал. Так смотрят на стриптизеров: вроде и с интересом, и с проблесками кокетства, но вместе с тем – несерьезно. Словно на аппетитный кусок стейка, который хотелось бы отведать, но, во-первых, фигура дороже, а во-вторых, можно заказать и в другом ресторане. Юна в эту милейшую компанию не монтировалась совершенно. И Рома был этому рад. Лучше бы удавился, чем иметь дело с молодящимися кокетками.

А еще он заметил велотренажер. Стоял посреди гостиной, как новогодняя елка, а рядом — смятая золотая бумага, красный бант. Все это плюс тоскливый взгляд, которым наградила громоздкую коробку Юна по пути к лестнице... Рома мгновенно вспомнил, как отец презентовал ему, четырнадцатилетнему подростку, сборник задач Сканави. На Новый год. Нет, Рома, конечно, не заплакал, но это чувство, когда срываешь обертку и ждешь диски с компьютерными играми

или хотя бы книгу по фотографии, а вместо этого видишь пирамиду, цилиндр и всякие иксы-игреки... Н-да, Рома Юну отлично понимал.

– Это ваш там тренажер? – спросил он, когда они вошли в светлую девчачью спальню.

– Ага. Игорь подарил.

Еще и от жениха! Эдакий неприкрытый намек, что пора бы худеть.

– Сочувствую, – сказал Рома.

– Правда? – вдруг оживилась Юна и посмотрела на него с такой щемящей надеждой, что он не выдержал и отвел взгляд. – Я думала, только мне не нравится... Ну... Нет, это крутая модель, я в курсе. И вообще. Ну, спорт – это жизнь. Но... неважно.

Она даже сейчас оправдывается! За что? Рома вот как-то однажды взял бывшей девушке диетическую колу. Нет, а что такого? Все ведь ее берут. Но вляпался в такой скандал на тему «я – толстая?!», что мама потом еще долго отстирывала ему джинсы от пресловутой газировки.

– Вот смотрите, – Юна распахнула большой зеркальный шкаф и принялась выбрасывать плечики с вещами на кровать. – Вот черное, но вы его забраковали. Так... Синее шерстяное я не люблю. Можно вот рубашку. Это комбинация, я Игорю на брачную ночь приготовила. Только ему не говорите! – Девушка вытащила белую полупрозрачную тряпочку, состоящую из кружева и разврата, а потом приложила к се-

бе. – Что скажете? Ему понравится?

Рома застыл, стараясь не представлять, как комбинация будет выглядеть на голом теле, и что конкретно будет просвечивать сквозь эти чисто номинальные чашечки. Было непросто: если ты фотограф с развитым воображением, то пара лишних слоев ткани для тебя – несуществующий пустяк. От неожиданности язык прилип к небу, а взгляд – к маленьким бантикам на бретельках. Ну да, раньше Рома встречался с девушками более скромных форм, но находиться в спальне, вот прямо у широкой кровати, разглядывать эфемерные кружева, приложенные к груди доброго третьего размера... Или это уже четвертый?.. Стоп! Это какая-то проверка на вшивость? На профессионализм? В конце-то концов! Она думает, что он железный?!

– А, ну да... – вздохнула Юна, когда молчание затянулось. – Простите, совсем забыла. Вы-то, наверное, в таких вещах не разбираетесь.

А это какого дьявола должно означать?! Заманила меня сюда, дверь закрыла, дразнит – и типа ты еще и не мужчина? Рома опешил, не зная, с какой стороны возразить, но Юна уже отбросила греховный наряд.

– Вы уж извините, просто даже спросить не у кого, – печально сказала она, перебирая содержимое шкафа. – Не с мамой же советоваться! Девчонки говорят, красиво, но это же девчонки. А мне так хотелось сделать Игорю приятное...

Рома поперхнулся и уставился на свою странную заказчи-

цу.

– Я, может, не спец, но, по-моему, сам факт... Ну... Бранной ночи... В общем, вы поняли меня. Это само по себе приятно, неважно, надето на вас что-то или нет...

Боже, что за бред он несет?! Как школота, честное слово!

– Наверное... – Юна дернула округлым плечом. – Но я как-то хотела подсластить пилюлю.

Подсластить?! Она что, считает себя рыбьим жиром или какой-то несусветной гадостью, на которую невозможно смотреть без ухищрений и спецэффектов? И почему этот Игорь, черт бы его драл во всех позах, до сих пор не объяснил ей, как она ошибается?!

Но не успел Рома и рта раскрыть, чтобы втемяшить хоть толику правды под эту каштановую гриву, как Юна извлекла еще одну вешалку с симпатичным платьем из светлой джинсы.

– Это мы купили в Испании. Правда, года два назад, может, уже и не налезет... – задумчиво протянула она, а потом взяла и разделась.

Вот так просто, без предупреждений и предварительных ласк, стащила с себя розовое платье, как будто Ромы и не было в комнате.

Угу. И в чем фокус? Скрытые камеры? Жених под дверь? Нет, Юна определенно издевается. С виду – закомплексованная до мочек ушей, а в спальне, стало быть, долой комплексы вместе с одеждой?

Рома никогда еще не чувствовал себя так глупо. Прежде ему не удавалось довести девушку до раздевания в первый же день знакомства, и он думал, что это – высший пилотаж съема. А вот теперь понятия не имел, что с этим делать. И что именно от него пытается добиться Юна. Ведь не соблазнить же она его хочет накануне свадьбы с другим парнем?

Пожалуй, Герасим в лучшие свои годы был многословнее, чем Рома в ту секунду. Герой Тургенева хотя бы мычал, Рома же не мог выдать из себя ни звука. Мягкие формы Юны, чуть тронутые легким загаром, напоминали свежий хлеб, подошедший в печи. Округлых бедер хотелось коснуться или даже шлепнуть, чтобы посмотреть, как по ним пойдет волна. Вроде Рома видел уже голых девушек, да и не только видел, но теперь у него было ощущение, что он смотрит на женское тело впервые. Может, потому что стройные фигуры стали чем-то обычным, повседневным. Если на каждом плакате, в каждом журнале примерно одинаковые красотки в бикини, то волей-неволей перестаешь воспринимать их как что-то особенное. Они сливаются в единый образ манекена, лица становится трудно запомнить. А Юна отличалась настолько, что Рому охватила неловкость девственника, необъяснимый стыд от того, что он видит. Как если бы пуританину лет эдак тридцать назад показали женские колени.

И Рома не собирался пялиться, голос совести взывал откуда-то из недр сознания и умолял отвернуться. Рома этот голос слышал и честно хотел отвернуться. Но не мог. Шею

парализовало, в глаза будто кто-то вставил невидимые распорки. Время замедлилось, когда Юна подняла руки, надевая платье через голову, и вместе с руками приподнялись груди. Наверное, они такие тяжелые... Наверное, так соблазнительно покачиваются в моменты страсти. Вот если бы зарыться в них лицом и вдохнуть сладковатый запах кожи, который сейчас доносился до Ромы едва ощутимо. А эта родинка над пупком?..

– Вроде налезает... – пробормотала Юна откуда-то из-под платья. – Вы не можете одернуть?

Вот же черт! Стоит тут, пускает слюни, молния на штанах вот-вот разойдется. А если она увидит? Как он тогда объяснит? Кулешов, мать твою! Возьми себя в руки! Отвлекись, нельзя же потерять такой крупный заказ! И деньги нужны, и Вадик уроет... Так, срочно думать о чем-то печальном! Разбитые объективы? Да, вот он держит в руках осколки, а Юна нагибается, чтобы посмотреть, что случилось... Чтоб тебя! Только хуже стало! Нужно что-то грустное, отвратительное, страшное, в конце концов. Рома зажмурился изо всех сил, призывая самые жуткие воспоминания. И будто луч света в конце туннеля перед глазами возник он. Бело-оранжевый сборник задач Сканави. Бром в бумажном эквиваленте.

– Иду! – мгновенно отозвался Рома и недрогнувшей рукой одернул платье.

– Застегнете? – она нагнула голову и перекинула копну каштановых локонов вперед, обнажая шею.

Какая мягкая линия, какой плавный изгиб к плечу. Идеальный график показательной функции, где игрек равен а в степени икс... Господь всемогущий! Откуда?! Как он мог это вообще вспомнить?.. Не смотреть. Вообще не смотреть! Думать об арендной плате за студию...

– Что-то не так? – Юна попыталась обернуться. – Молния сломана?

– Нет... – голос вышел сиплым, как у алкаша после недельного запоя, и Рома прочистил горло. – Нет, – повторил он увереннее.

У Юны под волосами темнели две маленькие пикантные родинки. Расположенные так ровно и на таком расстоянии, словно это и не родинки вовсе, а след от укуса вампира. И отчего-то Рома легко мог представить этого вампира. Да что уж там, если бы у него тоже были клыки, он бы с удовольствием впился в эту мягкую...

За-стег-ни уже.

Рома снова кашлянул, дернул молнию вверх и торопливо отступил назад, пока еще мог расслышать голос разума сквозь шум в ушах.

– Ну вот, – Юна откинула волосы назад и крутанулась перед зеркалом. – Что скажете?

– Цвет хороший. Вам идет. Но платье слишком свободное. Есть какой-нибудь пояс?

– Зачем?! – неподдельно удивилась она. – У меня все равно нету талии. А так хоть не видно этих ужасных складок...

– Вот чего у вас нет, так это складок.

– Вы просто не видели, как я сижу...

Рома терпеливо вздохнул. Вот зачем, ради чего она все время пытается убедить себя и окружающих в том, что нет для нее лучшей одежды, чем чехол на дирижабль? И то, только если в комплекте с бумажным пакетом на голову? Роме встречались упрямые женщины, попадались и редкостные дуры. Но вот такого фееричного сочетания – еще ни разу.

– У вас нет складок, и есть талия, – терпеливо процедил он. – И хватит уже набиваться на комплименты и делать вид, что это не так.

– Но я...

– Пояс, Юна. У вас есть пояс? Сюда нужен широкий пояс.

Видимо, с ней постоянно общались в приказном тоне, потому что стоило Роме повысить голос, как она послушно нырнула в ящик комода и достала то, чего от нее хотели.

Потребовалось еще минут пять, чтобы Юна подобрала нужный аксессуар и сменила туфли. Довольный своим трудом и гордый за нечеловеческое терпение, Рома спустился следом за Юной в кухню.

– О, ну замечательно, – выдал счастливый жених. – Приступим к съемке?

И все?! И это все, что ты, влюбленный мужчина, можешь сказать ей?! Рома стиснул челюсти, напоминая себе о правилах общения с клиентами. Да, он тоже считал, что комплименты, как правило, пустая трата времени. Что некоторые

женщины частенько увлекаются, требуя постоянной похвалы. Но это же невеста твоя, сухарь ты бездушный! Так старалась, так нервничала... Будь это, к примеру, невеста его, Ромы, уж он бы нашел пару слов. «Как ты чудесно выглядишь! Как тебе идет! Какая же ты у меня красавица!» Ну так, чисто теоретически. Чужая душа – потемки. Но если честно, теперь Рома понимал опасения Юны насчет брачной ночи. С этого кислого Игоря станется все испортить. Увидит эту белую кружевную вещицу и скажет: «Окей, сойдет. Ты сверху или снизу?»

– Я думаю, будет очень романтично, если вы будете вместе пить кофе, – встрял Вадик. – И вы, Юна, можете кормить Игоря этим печеньем. Только постарайтесь вспомнить что-то смешное. А то будет неестественно. Лучше – забудьте о нас. Нет ничего хуже постановочной съемки. Мы же не хотим, чтобы лица были, как на паспорте?

– Это мысль, да, – кивнул Игорь. – Юна была права, вы, геи, знаете толк в искусстве.

– Мы... кто?! – Рома чуть не выронил новый объектив.

– Иди сюда, зай, – Вадик схватил друга за локоть и потащил в сторону.

– Зай?! – яростно прошептал Рома. – Ты охренел, что ли?

– Слушай, по ходу, эти двое думают, что мы – голубые.

Короче, зря я сказал про партнеров...

– Ну, так скажи им! Что за на фиг?!

– Да ты не кипешуй, – Вадик подозрительно нежно погла-

дил Рома по плечу. – Пока я тут с ним торчал, понял, что у него это... Ну, проблемы с ревностью. В общем, они нас, считай, и наняли, потому что так думают.

– Не собираюсь я врать!

– И не надо, никто тебя не просит! Просто подыграй слегка. Не терять же такой заказ из-за того, что ты гомофоб!

– Я не...

– Тем более! – и Вадик с широкой улыбкой повернулся к будущим молодоженам. – Извините, – сказал он уже в полный голос. – Обычные гейские разборки. Да, зай?

И Рома с ужасом ощутил, как лучший и, наверное, единственный друг смачно шлепнул его по заду.

Глава 5

Юна Лебедева

5 мин.

Ой, какие у меня новости! Вчера случился мой первый раз! О да, детка! Это длилось два с лишним часа, нас было четверо: я и трое горячих парней. Сначала я зажималась, стеснялась, но меня так подбадривали и раскрепощали... Вертели и так, и эдак. И финал был просто изумительный, самой не верится, что я на такое способна. Плюс мне в награду выдали печеньку.

Догадались, о чем я?

А вот и нет, испорченные вы мои френды. Я не о сексе, а кое о чем получше: моя первая фотосессия. Персональная. Ну, почти. Предсвадебная! Мне уже скинули несколько фоточек, и, по-моему, отличные? Что скажете? Особенно вот эта, где мы с Игорем у окна. Такая воздушная и теплая! Спасибо студии «The Cuckoo's Nest»!

Проснувшись, Юна первым делом кинулась проверять почту. Завернулась в одеяло поуютнее, взяла телефон. Этим моментом не хотелось ни с кем делиться: каждая девушка имеет право уединиться со своими фотографиями. Юна не

сомневалась в мастерстве Романа, а вот в себе – очень даже. Если у тебя в загишке добрая сотня неудачных снимков – из института, школы, с публичных мероприятий, где пришлось засветиться с отцом, – начинаешь принимать горькую правду: дело вовсе не в камере. Это не объектив полнит, это не неудачный ракурс. Нечего на зеркало пенять, иными словами.

Юна твердо пообещала себе: если и на пробных домашних снимках она получится куклой на чайник, то наизнанку вывернется, но в истории и следа не останется от свадьбы, кроме документов. Ни единой, даже случайной, даже смазанной фотографии. Устроить, к примеру, жесткий досмотр для всех гостей: все телефоны и гаджеты с намеком на камеру будут помещены в черный ящик и не увидят свет до тех пор, пока молодожены не исчезнут в неизвестном направлении.

Давненько Юна не волновалась так, как сейчас, открывая письмо от Романа. Зажмурилась, скрестила пальцы, загрузила первую фотку... И, выдохнув, заставила себя посмотреть. Первая реакция была: «Кто эта милашка рядом с моим Игорем?» Милая. Да, именно так умудрился заснять ее Рома. Приятная девушка с живыми, смеющимися глазами. И ведь не скажешь, что толстая! Хорошенькая такая. Неужели это она, Юна? Само очарование! То ли густые волосы отвлекли внимание от щек, то ли маленькие пикантные ямочки. Впервые Юна не просто смотрела на себя со стороны, а именно любовалась.

Решено. Свадебной фотосессии быть. И пусть обычно Юна не отличалась лидерскими замашками, но здесь намеревалась проявить стойкость. Что бы там ни решил Игорь, она подпустит к себе с объективом только одного человека. Рому.

Радостное нетерпение охватило девушку целиком, заполнило изнутри, вытеснив все сомнения и дурацкие страхи. Она выходит замуж! Она – невеста! И после свадьбы – хоть потоп, но она будет принцессой на своем празднике. И королевой после.

Только теперь Юна поверила, что нравится Игорю. Если он видит ее так же, как Рома, значит, все дело и правда в страхе перед ее отцом. И уж в брачную ночь Игорь не станет сдерживаться.

Наскоро накатав пост в фейсбук и поделившись радостью с подписчиками, Юна влезла в спортивный костюм и кубарем слетела вниз за чашечкой кофе. И стоило ей поставить перед собой завтрак, как телефон возмущенно заверещал, будто задался целью отлучить Юну от пищи. Звонила Ирка, подруга с тех незапамятных времен, когда девочек оставляли с общей няней, и они ели спагетти с сыром, растягивая пальцами длинные нити эдама, валялись на полу, обклеивая блестящими звездочками дневники с секретиками и смотрели диснеевские мультики на английском, потому что няне доплачивали еще и за языковую практику.

– Фотки – огонь! – выпалила Ирка, пока Юна тоскливо

смотрела на опадающий кусочек омлета.

– Правда?

– Да ваще! Где ты откопала такого мужика?

– Хорош, Ир. Ты же знаешь, мы с Игорем на студенческой вечеринке познакомились...

– Бог с ним, с твоим Игорем! Ты фотографа такого где взяла? Я теперь тоже хочу!

– Ну, случайно... – Юна замялась, радуясь, что по телефону не видно красные щеки. – Собираюсь нанять его на свадьбу.

– О, да! Это будет бомбезно! – оживилась Ирка. – Надо договориться обо всем. Утро невесты. Ну, как ты такая вся просыпаешься, потом наряжаешься. Ну, с подружками само собой... И контакты мне его дай. Обязательно!

– Тоже устроишь себе сессию?

– А то ж! Конечно! Только я хочу именно в студии. Эротичненькое все такое.

– Зачем?! – Юна даже на секунду забыла про омлет.

– Ты что? Это ж последний тренд! Сереже своему подарю на день рождения.

– Просто фотки?!

– Женщина, ты замуж вообще собралась или куда? Что значит «просто фотки»? Во-первых, там все будет красиво. Во-вторых, горячо. Он получит их, разогреется, а тут я. Пусть видит, что я у него – лучше всех моделей.

– Думаешь, ему понравится?

– Я не думаю, я знаю, – безапелляционно отчеканила Ирка. – Они пялятся на всяких там актрисулек, а мы вроде как под боком. Свое, родное. Привычное и скучное, как вчерашняя запеканка. А если он увидит меня такой, то научится ценить, поймет, как ему повезло. Ну и потом, вот уедет он опять в свою командировку. Соскучится, откроет фоточки... Поверь, мужиков такое возбуждает.

– Да?.. – Юна попыталась себе представить Игоря, который смотрит на ее снимки.

Может, резон, конечно, в Иркиных словах и есть. В спальне трудно все время выглядеть идеально. Говорят, раньше многие хорошие жены красились перед сном, а потом еще и с утра вскакивали до мужа, чтобы успеть навести марафет до пробуждения. С какой стороны ни глянь – нимфа, а не женщина.

Насчет себя Юна иллюзий не питала. Она ненавидела все, что связано с рутинной и методичностью. Забывала принимать лекарства, бросала делать зарядку, сотни раз начинала вести дневник питания – и столько же раз забрасывала эту мутотень на пятой странице. Поэтому знала точно, что вот эти фокусы со спальным макияжем не осилит. И не сможет вечно спать в изящных кружевах, потому что они сбиваются, колются и врезаются, куда не надо.

И главным вопросом о предстоящей семейной жизни, который мучил Юну денно и ночно, был вопрос о том, что будет дальше. Окей, допустим, она предстанет перед Иго-

рем соблазнительной кошечкой после свадьбы. На следующий вечер тоже. И весь медовый месяц. Но что будет, когда однажды Игорь проснется и увидит на соседней подушке опухшее всклокоченное чудовище с грудями набекрень? А потом? Когда она забеременеет? Раздуется втрое, родит, и интимные радости превратятся в мотыляние карандаша в стакане? Юна не обольщалась: такой, как мама, она никогда не станет, если не успела до двадцати трех. И всякая там йога в сочетании с чудодейственной гимнастикой для потаенных мышц ситуацию не спасут.

Так, может, Ирка права? И стоит обзавестись красивыми фотографиями, пока есть что снимать? Подарить Игорю на свадьбу, а потом, когда оригинал обветшает и обвиснет, просто приклеивать распечатанные копии на лицо перед сном, чтобы Игорь не забывал, почему женился на ней и кто вообще эта тетенька?

– Слу-у-ушай, а давай тебе тоже такую сделаем? – Ирка словно прочитала мысли подруги.

Впрочем, Юна не сомневалась, что Ирка и не на такое способна. Женская дружба – как фея, существо мифическое, и если встречается, то живет исключительно на магии. И уж кто-кто, а Ира бы с легкостью получила приглашение в Хогвартс. Шутка ли? Она умудрялась звонить аккуратно в те минуты, когда Юне до жути необходимо было выговориться. Чтение мыслей – это еще пустяк. А вот как объяснить логически, что Ира всегда получала именно тех парней, кото-

рых хотела? Причем сразу, по щелчку пальцев. Безответная влюбленность? Нет, не слышали. Пришла, увидела, соблазнила. Рыжие, что с них взять. Во времена инквизиции Иру бы непременно приговорили к костру.

– Не знаю, я должна подумать и настроиться.

– Давай-давай, – подстегнула Ира, чувствуя, что лед тронулся. – А пока ты думаешь, кидай мне контакты своего чудо-мастера.

Варясь в собственных сомнениях, Юна отправила ссылку и уже собиралась приступить к остывшему и сморщенному омлету. Но не успела поднести ко рту первый кусочек, как на горизонте нарисовалась мама. Зашла в кухню в спортивном костюме, лоснясь от пота и бодрости.

– А ты все ешь! – Елена Геннадьевна осуждающе качнула головой. – Опробовала бы лучше тренажер Игоря! Просто фантастика! Всего полчаса – а я уже чувствую себя лет на пять моложе.

Юна уныло отложила вилку. Если мама и дальше продолжит заниматься такими темпами, скоро она вернется на стадию начальной школы. Вот удивительно, какой разной бывает спортивная одежда! Узкое трико с неоновыми полосками по бокам и топик из серии «ты можешь все» – и Юнины бесформенные серые штаны с футболкой. А ведь марка одна и та же. Только вот первый комплект призывает покорить мир, а второй ненавязчиво намекает, что пульт от телевизора – вон на том комод.

– Фоточки готовы? – Елена Геннадьевна загрузила в блендер белковый коктейль.

– Угу.

– И что же ты не хвастаешься? Или опять плохо вышла?

Юна проглотила горькую пилюлю материнской нежности. Снова. Пора бы уже привыкнуть за столько-то лет, но нет. Послевкусие по-прежнему гаденькое. Если бы кто-нибудь попросил Юну сравнить мать с алкоголем, девушка бы без колебаний остановилась на «кампари»: яркий аппетитный оттенок тропического коктейля и невыразимая, едкая горечь в первом же глотке.

– По-моему, хорошо, – Юна открыла снимки и протянула матери телефон.

– М-м-м... – задумчиво протянула Елена Геннадьевна, листая фотографии. – И правда, все не так ужасно. Но вот знаешь, я бы отретушировала.

– Они уже обработали все.

– И где же? Вот здесь можно было бы немного уменьшить шею. А тут – увеличить глаза. Плечи поуже, а то ты на какую-то штангистку тянешь. Нет, такая халтура не пойдет. Пусть уж поработают как следует, если хотят снимать свадьбу, – и Елена Геннадьевна, поджав губы, отложила телефон. – А где фотографии со мной? Ну, те, что в самом конце делали?

– Их Роман еще не прислал.

– Вот, а я о чем говорю! – сухо бросила мама и пригубила

напиток. – Халтура! Нормальный фотограф не стал бы работать без профессиональных визажистов. Может, обратимся к этому... Как его... Ну, который снимал Ингу?

– Нет.

– Что?! – женщина удивилась так сильно, будто Юна выругалась по-босаяцки.

– Нет, мам. Я хочу только Романа. В смысле, только он будет работать на свадьбе. Потому что на снимках должна быть я, а не рисунки в фотошопе.

– Ах, это... Господи, да все сейчас немного ретушируют! Подумаешь, слегка исправить! Ты-то будешь знать, что это ты! А потом, ну как папа покажет такие снимки корреспондентам?

– Покажет как-нибудь.

Юна встала из-за стола, пока не наговорила лишнего. Мама обладала феноменальной способностью выводить ее из себя, а потом еще и сама же обижалась, стоило Юне огрызнуться.

– Ну, поговори хотя бы насчет моих снимков! – бросила ей вслед Елена Геннадьевна. – Там-то можно поправить? Боже, в кого ты такая упрямая...

Но Юна уже торопилась наверх, в свою комнату, оставив мамин интерес к генетике без ответа. Ох, вот взять бы подушку, уткнуться в нее и выругаться так страшно и многоэтажно, чтобы потом почерневшую ткань, которой уже не помогут ни умелые руки Айгуль, ни немецкие отбеливате-

ли, пришлось выкинуть... Однако вместо этого Юна просто медленно выдохнула и набрала Романа. Потому что если сейчас он не сможет угодить Лебедевой-старшей, то у Лебедевой-младшей будут все шансы на свадьбу огрести фотографа Инги. Юна могла договориться с Игорем, могла уломать папу. Кого угодно, только не родную мать. И если Елене Геннадьевне придет в голову обидеться и пустить в ход тяжелую артиллерию, то уже всем будет проще с ней согласиться, нежели существовать в обстановке непрекращающихся боевых действий.

Роман не ответил. Ни на первый звонок и на пять следующих. И Юна, плюнув на условности, решила навеститься в студию лично. А заодно и прозондировать почву насчет фотосессии в стиле Евы. Отчего-то именно после маминих комментариев ей захотелось доказать то ли Игорю, то ли себе самой, что и без подрисовки в фотошопе она может быть симпатичной. Нет, окончательно Юна не определилась, но подумала, что, если расспросит Романа, бывали ли у них подобные заказы, насколько это популярно... Может, он что-нибудь посоветует? Если уж не совсем голышом, как ведьма Ирка, то какую-то драпировку или одежду с намеком... В общем, на то они и профессионалы, эти геи с объективами, чтобы избавлять от мучительного выбора.

Студия «The Cuckoo's Nest» располагалась, мягко говоря, не в самом элитном районе. Не совсем промзона, но пейзаж слабо настраивал на искусство. Разве только на какое-нибудь

современное арт-пространство, где модно выпячивать несовершенство мира. В огромном здании из красного кирпича раньше, судя по всему, был завод, потому что проходных оказалось море, и выбрать из них нужную Юне удалось далеко не с первого раза. Сначала она по ошибке наткнулась на столярную мастерскую, потом чуть не ослепла в сварочном цеху, и лишь в магазинчике «Все для рыбалки» девушки подсказали, где искать фотостудию.

Роман с Вадимом умудрились на славу спрятать свой бизнес от посторонних глаз. После долгих скитаний по промышленным лабиринтам Юна добралась до неприметной вывески с кукушкой на третьем этаже, уже изрядно запыхавшись и отчаявшись. Возможно, конечно, у популярных фотографов и принято заставлять клиентов потрудиться, чтобы созреть для хороших снимков, но что-то Юне подсказывало, что студия «The Cuckoo's Nest» не такая процветающая, какой ее пытался выставить Вадим. И, открыв дверь, только убедилась в своей правоте.

Помещение выглядело более чем скромно. И по габаритам, и по обстановке. Если бы не обилие фотоаппаратуры, можно было бы принять это место за временное убежище беглого преступника. Или даже маньяка – если учесть стену, увешанную снимками девушек-моделей. Но сильнее всего Юну впечатлило другое. На матрасе, уложенном поверх старых деревянных ящиков, без задних ног дрыхли хозяева студии. Двое половозрелых мужиков спали, нежно прижав-

шись друг к другу, как котята. Вадим сопел, шевеля губами и закинув руку на партнера. Он перетянул на себя весь плед, и Юна против воли засмотрелась на Романа. Его вчерашняя рубашка аккуратно висела на спинке стула, а потому ничто не мешало девушке насладиться созерцанием подтянутого поджарого торса. Ни единого волоска на груди, только узкая полоска от пупка и ниже. Красивые широкие плечи, сильные, но не перекачанные руки. Юна поправила блузку: как-то слишком душно и жарко стало в студии. А все Игорь! И не стыдно ему было держать невесту так долго на сухом пайке? Поцелуи, невинные ласки – и никакого десерта. Немудрено, что теперь она жадно глодала взглядом чужую мускулатуру! Эх, и почему в армию меньшинств забирают лучшие кадры?..

Юна почувствовала, как горят щеки, и тут же отругала себя за неподобающее поведение. Стоит тут, пялится на людей! Явилась без приглашения! Нет, срочно выйти и поступать, пока ее не застукали.

Но стоило ей сделать шаг назад, как под ноги попала пустая жестяная банка. От неожиданности Юна отскочила, задела вешалку, и та с грохотом рухнула на пол.

Глава 6

Роман Кулешов

3 ч.

Мы решили создать свой канал и начинаем с небольшого видео мастер-класса по обработке и ретуши. Вообще-то я считаю себя заядлым кэнонистом¹, но не хожу с транспарантами «Никакого шопа²!» и не считаю, что все, что не фикс³, – смертный грех. Собственно говоря, я не отказался бы и от хасселя⁴ (спонсоры, вы ведь меня читаете?), так что мой выбор техники – не религия, а сугубо расчет. Поэтому сразу прошу в комментах не затевать холивар.

Просто мне кажется, что часто начинающие фотографы бросаются в крайности. Либо никакой ретуши вообще, либо тотально перебарщивают, думая, что чем дольше ты ковырялся, тем довольнее клиент. Лично для себя я нашел оптимальный баланс. И записал для вас коротенький мастер-класс, как при минимальных трудозатратах

¹ Кэнонист – приверженец фототехники Canon (сленг).

² Шоп – сокр. от Photoshop. Программа для обработки графических изображений (сленг).

³ Фикс – объектив с постоянным фокусным расстоянием (сленг).

⁴ Хассель – хороший и очень дорогой фотоаппарат от Hasselblad (сленг).

добиться максимально естественного эффекта в портретных снимках. Видео по ссылке.

Рома не помнил, во сколько они с Вадиком закончили, но точно знал: было уже утро. Ехать домой в таком состоянии, чтобы отрубиться в метро и дать несколько кругов по кольцевой линии? Нет, уж лучше вздремнуть полчаса, прийти в норму и снова стать человеком. Никогда еще матрас Вадика не казался Роме таким мягким, уютным и манящим. На нем даже снилось что-то смутно приятное: лето, веранда, белые кружевные занавески так игриво покачиваются на ветру, жужжат насекомые – и хочется просто закинуть ноги на перила, закусить травинку и погрузиться в сладкое небытие.

– Будешь компот? – зовет мама. – Холодненький!

Из черной смородины наверняка. Его любимый. И Рома хочет войти в дом, но стоит только взяться за ручку двери, как стекла вышибает взрывной волной...

– Кто тут?! – Рома подскочил, судорожно натягивая плед. Вадик дернулся, попытался встать, но спросонья запутался и грохнулся с ящиков.

Зрение сфокусировалось не сразу, как будто кто-то нарочно замылил студию. И лишь поморгав, Рома смог разглядеть Юну. Девушка виновато жалась к двери, втянув голову в плечи, рядом валялась вешалка с куртками.

– Юна? – Вадик поднялся, потирая ушибленный копчик. – Что-то случилось?

– Здрасьте, – она выдавила виноватую улыбку. – Я насчет ретуши, но если что, найду попозже...

– Да ладно, что уж теперь, – Рома попытался привести в порядок волосы. Правда, без особого успеха. Черт бы подрал эти модные стрижки: надо каждое утро мочить голову, а потом возиться перед зеркалом, как баба. А иначе все торчит вкривь и вкось, словно по башке проехала бешеная газонкосилка.

– Вы извините, что в такой неподходящий момент, – Юна густо покраснела. – Я не собиралась подглядывать, честно! Просто звонила, вы не отвечали...

– Пустяки, – Рома метнулся за рубашкой. – Просто ночью вымотались и уснули...

Смысл происходящего дошел до Ромы на третьей пуговице, и парень застыл, квадратными глазами таращась в пустоту. Легенда про геев, они с Вадиком, дрыхнувшие в обнимку... Какими новыми красками сразу заиграло простое слово «вымотались»! Это ж чем они, в понимании Юны, тут мотали!.. Мать Господня! Рома разинул рот, чтобы горячо возразить, но Вадик, будто почувствовав угрозу, переключил внимание госты на себя.

– А что вы хотели уточнить по поводу ретуши? – с любезностью швейцара из «Мариотт» осведомился он, загородив собой неудавшегося правдоруба.

– Мама спрашивала, готовы ли снимки с ней... – кисло отозвалась Юна. – И... Ну не знаю. Она считает, что меня

можно было бы еще подправить. Нет, я, в целом, против, и мне нравится естественность... Но хотелось еще услышать ваше мнение...

Рома чуть не заскрежетал зубами. Опять начинается! Почему нельзя игнорировать эту мамашу? Можно сколько угодно фильтровать воду в реке, но, если не вынуть из нее сточную заводскую трубу, легче не станет! Ведь все же было нормально! Юна радовалась фотографиям, выложила забавный пост в фейсбуке, который Рома поначалу истолковал превратно, и не в меру живое воображение уже подкинуло пару картинок на тему Юны и трех горячих парней... Ну, точнее в мимолетной фантазии Ромы горячим был только он, а Вадик и Игорь, обливаясь слезами зависти, плакали в углу... Но не суть. Юна пребывала в счастливом настроении, и Рома справедливо полагал, что заставил эту закомплексованную девицу сделать первый шаг на пути к принятию себя. Но нет. Явилась эта Елена Геннадьевна, которая испортила добрую треть фотосессии наглым выпячиванием себя, и оттолкнула дочь к исходной точке. Супер! Рома пообещал себе, что если у него когда-нибудь будет ребенок и если этот ребенок будет толстый, то Рома все равно будет повторять чаду раза по три на дню, что краше не сыскать.

– Никакой ретуши, – отрезал Рома.

Ни тебе, ни тем более твоей матери. Вслух он этого не произнес, потому что такт, вежливость и прочая мишура, но зато подумал, что Елене Геннадьевне будет полезно увидеть

морщины и теннисные мячики груди, словно существующие отдельно от остального тела.

– Роман хотел сказать, что естественная красота – политика нашей студии, – Вадик запихнул матрас за фотофоны и сложил ящики друг на друга. – Мы могли бы сделать исключение, но если хотите знать наше мнение, камера вас просто обожает. Редкая фотогеничность, поверьте моему опыту.

– Вы просто не видели сто моих неудачных снимков.

– У плохого фотографа всегда виновата модель, – Рома уже отчаянно хотел встряхнуть эту упрямицу и найти у нее кнопку перезагрузки.

– Вы проходите, проходите, – спохватился Вадик. – Сейчас отсмотрим весь сет, распечатаем, что вы выберете. Извините, у нас тут бардак и вообще довольно скромно...

– По-моему, мило, – улыбнулась Юна. – А бардак больше от меня... – и она нагнулась, чтобы поднять вешалку.

Будто в замедленной съемке перед Ромой натянулись джинсы на аппетитных мягких полушариях, прорисовался под блузкой скрипичный изгиб поясницы. Обнажилась полоска кожи. Выглянуло, будто подмигивая, белое кружево трусиков, и на контрасте с ним загорелая спина, покрытая светлым полупрозрачным пушком, показалась такой бархатистой, как созревший на солнце персик. Юна выпрямилась, удивленно взглянула на Рому: он пялился на нее уже неприлично долго, но ничего не мог с собой поделать. Даже сейчас, когда она смотрела ему в глаза... Ее щеки покраснелись

от прилива крови, губы приоткрылись, на лицо упал локон. Наверное, именно так Юна выглядит в постели... Господи, что она с ним творит?!

Рома неловко кашлянул, усилием воли заставил себя опустить взгляд и отошел в сторону, чтобы прикрыть нежелательную побочку монитором.

– А вы не думали о том, чтобы стать моделью? – выдал он, взяв себя в руки.

– Что?! – глаза Юны расширились. – Это шутка? Какая из меня модель?

– А хотите, я вам докажу? – Рома с вызовом вздернул подбородок. – Бесплатно. Вот прямо сейчас. Сделаю вам персональную фотосессию. В любом образе.

– Нет-нет, бесплатно – это исключено. Просто сейчас... – она смутилась. – Я как-то не подготовилась...

– В этом весь смысл! – настаивал Рома. – Прямо так! И вы увидите, на что способны. Ну, что думаете?

– Понимаете, у меня была одна задумка... – Юна замялась. – Просто я не определилась до конца... Ну, моя подруга посоветовала. Говорит, мужчинам такое нравится. В общем, я хотела сделать в подарок для Игоря такую сессию...

– В платье, что ли? – Рома скептически хмыкнул. Опять этот Игорь... Еще и подружка какая-то объявилась с idiotскими советами. Ну какому нормальному мужику нужны эти принцесские картинки?

– Нет, – Юна выразительно округлила глаза и начертила в

воздухе что-то загадочное. – Я имею в виду, без платья. Ну, то есть вообще. Без всего. Понимаете?

Роме дико захотелось поковырять в ушах пальцами, чтобы убедиться: он не ослышался. Она что, правда имеет в виду обнаженку?!

– Прекрасная мысль! – Вадику вообще прекрасным казалось все, за что готовы платить, но вот Рома энтузиазма не разделял.

Тут надо выбирать что-то одно: либо гей-легенда, либо сессия ню! Потому что провести несколько часов с абсолютно голой Юной... Рома зябко передернул плечами, стряхивая непрошенные мурашки. Хватает только мысли, чтобы стало очевидно: меньшинство из него, как из туалетного ершика зубная щетка. Вадик, конечно, хваткий предприниматель, но снимать-то не ему! Или, может, перепоручить?.. Нет. Не Юну. Обойдется.

– Вот я и хотела посоветоваться, – Юна вцепилась в сумочку. – Прямо совсем-совсем без одежды или... Роман, вы же помните ту мою комбинацию?

– Роман?.. – Вадик вопросительно склонил голову набок.

– Минутку, – Рома выдавил улыбку и дернул не в меру предприимчивого товарища в дальний угол. – Ты чего, я не пойму, ей втираешь?

– Большой заказ! Да ты глянь на нее: она ж сама хочет. Только стесняется. Ее подогреть слегка – и можно столько страсти... А если еще и побольше разных образов, то за каж-

дый – отдельную плату...

– При чем тут это! Как я ее голой снимать буду?

– Через объектив! Макса-то ты как-то снимал!

– Макс – мужик! А она? – Рома нервно сглотнул. – Она ж сразу поймет, что я не гей!

– И он еще собрался стать великим фотографом, – издевательски хмыкнул Вадик. – А беспристрастность? Представь, что она – натюрморт!..

– Ты, блин, издеваешься?!

– Ой, да ладно! Горячий ты наш! Снимешь как-нибудь!

– Но голой?.. Это ж вообще! Это порнуха какая-то! А престиж студии?..

– Ты давно такой ханжа? Ну, скажи, чтобы прикрылась чем-то. Вот развел! Обычная девчонка, ничего такого...

Рома непонимающе уставился на друга. Серьезно? Обычная? Он не видит или прикидывается? Да она же... Да из нее просто прет какая-то непонятная химия, на нее стоит только посмотреть, как температура подскакивает!

– Юна, – Вадик наплевал на все возражения и с подобострастной улыбкой бросился к клиентке. – Мы обсудили с коллегой... И пришли вот к выводу, что сама по себе обнаженная натура – это слишком просто для вас.

– Да, я так и думала... – скисла девушка.

– Нет-нет, послушайте, – не унимался Вадик. – Кружевное белье – тоже скучно. Всем давно приелось. Оно везде, на каждом углу, в любом журнале. Нет. Если хотите знать

мое мнение, то вашему жениху нужно подарить что-то оригинальное.

– Да? – оживилась Юна. – Например?

– Ну... – Вадик обвел взглядом студию, будто бы в поисках вдохновения. Впрочем, Рома себя не обманывал: он точно знал, что его соратник ищет не музу, а вполне конкретный повод заломить цену повыше. – Вам нужно попробовать несколько образов... – тянул Вадик, будто это только сейчас пришло ему в голову. Ну, что и требовалось доказать. – Точно! Я придумал! – Он ткнул в настенный календарь. – Идеально.

– Что?.. – Юна озадаченно моргнула.

– Мы сделаем ваш личный календарь. На каждый месяц – отдельный образ. Вы же знаете, да, что такие календари пользуются огромной популярностью на Западе? Креативный народ устраивал из этого благотворительные акции. Американские пожарные, домохозяйки, женщины в возрасте... И каждый раз это была просто бомба!

Рома мысленно аплодировал. Календарь – это двенадцать разных образов, двенадцать фонов. Не три, не пять. Двенадцать! Вадик просто превзошел себя по части продаж. Решил ободрать Юну как липку, комбинатор хренов. И вроде бы партнеру по бизнесу полагается радоваться в такие моменты, потому как если Вадик продолжит в том же духе, то к Новому году у них все шансы обзавестись студией в центре города и целым штатом работников, но отчего-то Роме

не нравилось, что Юну используют, как дойную корову.

И все же возражать было поздно: по заблестевшим девичьим глазам Рома понял, что наживка проглочена, а идея пришлась по нраву.

– Допустим... – Юна подошла к календарю, просмотрела несколько разворотов: милые снимки пар на природе. Это был один из первых проектов «Кукушкиного гнезда». Люди разных возрастов, символизирующие времена года. Весенняя юность, зимняя старость. Вся гамма отношений. От первой влюбленности и страсти, до осенней грусти расставания и семейного умиротворения. Рома гордился этими работами и по реакции Юны видел, что не зря.

– Очень круто! – вздохнула она наконец. – А как же все это сделаю я? В смысле... Это, наверное, сложно. Или просто поставите меня перед пустым фоном, а потом наложите картинку с нужным пейзажем?..

– Ну что вы! Какая банальность. – Вадик уже вжился в роль гея настолько, что даже в его речи появились незнакомые Роме жеманные интонации. – Мы просто покажем, насколько разной вы можете быть. Плевать, осень, зима... Ну, разве что, намекнем по цветовой гамме. Главное, ваш Игорь должен челюсть уронить от неожиданности. Ром, что скажешь?

– Эм... Чисто теоретически... – Боже, ну почему он все время превращается в такого осла в присутствии Юны?!

– Вот, например, – Вадик почувствовал, что от друга ни-

чего толкового не добьется, и снова принял огонь на себя. – Нежная, воздушная. Как античная богиня. Эдакий образ из Ренессанса. Можно вообще взять какую-нибудь известную картину и стилизовать фотографию под нее. На вас смотришь – и эта мысль сама напрашивается. Опять же, ничего сложного. Простыня, фрукты, нужный свет... Роме это раз плюнуть.

– А еще? – Юна намотала локон на палец, явно польщенная сравнением с шедеврами живописи.

– И тут же что-то совершенно противоположное, – продолжал лить елей Вадик. – Суровая русская женщина. Пролетарий. Завод. Родина-мать. Ну, я не знаю...

– Сварщица, – неожиданно для самого себя произнес Рома. – Рукавицы и специальная маска. Тут у нас в здании есть цех, можно одолжить у ребят.

– А мне нравится! – Вадик даже хлопнул в ладоши. – Отлично! Контраст мягкости женского тела и грубой работы. Можно уж заодно и такой сельский образ. Знаете, васильки, сено, рябиновые бусы – и больше ничего.

– Это ты уже разошелся, – одернул коллегу Рома. – Где мы возьмем сеновал?

– Фигня вопрос, – отмахнулся Вадик. В пылу мозгового штурма он уже забыл про реверансы делового общения. – Сбегаю и найду. Потом надо обязательно что-то этническое. Бодиарт. В стиле племен... Как там было? Ром, помнишь, на той выставке?.. Во-о-от... – он выдохнул, будто устал от тя-

желой физической работы. – Еще просто офисное что-то... Ну, женщина-вамп, разумеется...

– Еще черно-белый снимок, – встрял Рома. – Современное искусство. Как-нибудь в позе эмбриона...

– Да-да, – Вадик энергично закивал. – Бомбически! Считайте, это тест. Посмотрите, что понравится жениху больше всего, и будете знать, как его порадовать...

Рома напрягся. Представляя Юну в разных образах, он ненадолго забыл, ради чего, а точнее – ради кого она все это затеяла. И все вдохновение моментально улетучилось.

– Вы тогда сообщите, когда все подготовите, – улыбнулась Юна. – Чтобы я рассчитала время. Но пока мне все очень нравится...

– В смысле – когда?! – опешил Вадик. – Конечно, прямо сейчас и начнем.

– Но я... Я еще не...

– У вас сегодня другие планы?

– Нет, – мотнула головой Юна. – Но надо же как-то созреть морально...

– Даже слышать ничего не хочу! – Вадик взял ее за плечи. – Пока есть запал, надо работать! У нас есть вы – это главное. Я отскочу, привезу все мелочи, которых не хватает. А вы пока раздевайтесь. Ром, да что ты стоишь-то?! Вытаскивай аппарат!

Глава 7

Юна Лебедева

34 мин.

Люди, что сейчас будет... Мамочки! Мир никогда не станет прежним. Я бы и рассказала, но тогда точно стану нерукопожатой. А домой меня, очевидно, не пустят. Это т-а-й-н-а. Великая и ужасно секретная.

У вас бывает такое непонятное предчувствие, что либо все будет очень хорошо, либо очень плохо? Без других вариантов?.. Нет, я не прыгаю с парашютом. И еще пока не выхожу замуж. Но волнение то же.

В общем, запомните меня такой. Но пасаран.

Каждая пуговица, каждая молния и застежка приближали Юну к моменту стыда, древнего, как первородный грех. И в голове отчего-то звучали рефреном слова матери.

Вообще-то Елену Геннадьевну с трудом можно было назвать духовным наставником. Она понятия не имела, как Юна учится в школе, в кого влюблена и о чем плачет в подушку. Если и досаждала советами, то исключительно теми, что легко почерпнуть в любом женском журнале: в какую сторону растушевывать тени для век, какая маска лучше все-

го убирает мешки под глазами. И диеты, да. Как только в мире появлялась новая модная диета, Юна узнавала о ней первой. Единственной материнской мудростью, врезавшейся в память, были слова о нижнем белье.

– Если выходишь из дома, позаботься о том, чтобы на тебе был приличный чистый комплект. Никогда не знаешь, что случится. Вот так собьёт машина, приедут врачи. И все, уже не переодеться. Выбирая трусы, думай, что скажет о них посторонний человек.

И вот теперь, прячась за фотофоном, Юна будто бы снова слышала мамин голос. Да, трусы хоть прямо сейчас на выгул. Белая классика с каймой из незатейливого кружева. Как, собственно, и лифчик. Вот только фотографировать Юна собиралась не белье. А насчет того, что делать, если от трусов придется избавляться, Елена Геннадьевна предупредить забыла.

Юна зажмурилась, выдохнула. Спустила последний оплот морали, и вместе с ним к щиколоткам упала вера в себя. Когда Вадим расписывал гениальные идеи, Юна уже представляла, как возвышенно и загадочно получится на снимках. Сейчас же смотрела на красноватые вмятины от резинки на животе и под грудью, на проступающий то ли от холода, то ли от волнения мраморный рисунок на ляжках. И как ни силилась представить себе радостную реакцию Игоря, ничего не получалось.

Зря Вадим уехал за сеном. Надо было настаивать, чтобы

он присутствовал от и до. Взять паузу на часок-другой, метнуться в солярий, накидаться текилой с лаймом для храбрости. И тогда бы Роман с товарищем на пару гнули бы и мяли свою несуразную модель, как гуттаперчевый манекен.

Но нет. Юна осталась с Ромой наедине. И будто бы чтобы добить ее окончательно, он предложил перейти на «ты». Самое время! Отсутствие трусов сближает похлеще мятных конфеток.

Юне уже неважно стало, какой ориентации ее фотограф. В чужой холодной студии, куда в любой момент может постучаться очередной клиент, без одежды... И вдобавок наедине с каким-никаким мужчиной. Юна готова была поклясться на чем угодно: воздух буквально сгустился от неловкости и напряжения и вовсе не для нее одной.

– Вы ведь раньше видели голых женщин? – спросила она, выглядывая из-за большой картонки. – Ну, я имею в виду, живьем...

Боже, какая чудовищная глупость! И надо было такое сморозить! Как будто он мог видеть мертвых. И какое, в самом-то деле, это имеет значение?..

О, если бы Юна могла просто помолчать... Но эта невыносимая тягостная пауза сводила с ума. Хотелось разрядить обстановку.

– Видел, – глухо отозвался Рома. – Мы вроде договаривались на «ты»...

– Да. Да, конечно. Прости.

– Ты готова? Свет нормальный, но мне надо будет протестировать на твоей коже.

– Ага. Иду.

Замотавшись в простыню, которую Вадим счел достаточно античной, Юна вышла из своего укрытия. Рома сосредоточенно возился с камерой: подстраивал штатив, поправлял вспышку.

– Так... – пробормотал он, не отрывая взгляда от фотоаппарата. – Я подумал, начнем с Данаи. Я тут уже загуглил, ее кто только не рисовал. И Рембрандт, и Рубенс, и Климт. У Тициана аж четыре штуки.

– Я, видимо, больше по части Рубенса, – горько усмехнулась Юна, и вот тут Рома все-таки посмотрел на нее. Неожиданно строго.

– Ну, вот что, – мрачно произнес он. – Давай-ка ты заканчивай с этим. Если будешь постоянно развлекаться самобичеванием, то я – пас. Никакой фотосессии. Или пусть Вадик тебя снимает.

Юна обиженно моргнула. Ничего ж себе! Вчера Рома был куда любезнее, а теперь вон рычит на нее, как репетитор по математике. Вот это сервис! А она-то просто пыталась снять напряжение...

– Ты ведь не собираешься плакать? – нахмурился беспощадный фотограф.

– Нет... – полувопросительно ответила она на вдохе.

– Ох ты ж, Господи... Юна! Мы все это затеяли для то-

го, чтобы ты сделала подарок жениху. Вот хоть режь, но ни один нормальный мужик не станет любоваться на зажатую испуганную девушку. Думаешь, всего этого не будет видно на снимках? Ошибаешься. Понимаешь, невозможно любить того, кто сам себя ненавидит.

Юна закусила губу. Нет, плакать она точно не станет. Выискался знаток! Что он вообще понимает в женщинах! И в браке! Глупо на таких обижаться!..

– Юна? – он с подозрением заглянул ей в глаза.

– Угу, – нечленораздельно промычала она.

Главное сейчас – не моргать. Не кивать. Смотреть наверх...

– Твою ж... – Рома раздраженно зажмурился и взялся за переносицу.

– Не-не... Я в норме... – она звучно шмыгнула, но первая слезинка уже обожгла щеку. – Это вообще не из-за тебя... Я вспомнила что-то грустное...

– «Хатико» или «Титаник»?

Юна попыталась улыбнуться, но вышел какой-то нечеловеческий оскал, и рыдать захотелось еще сильнее.

– Ладно, – нехотя буркнул Рома. – Извини. Но с таким настроением у тебя ничего не получится. Сядь вон там и успокойся.

Она послушно побрела к ящикам, уселась на один из них и поджала колени, комкая простыню.

– Ты не понимаешь! – она вытерла слезы. – Все и так себя

любят! Сейчас все вокруг любят только себя! Я хотела быть лучше... Не эгоисткой какой-то. От меня все только и ждут, что раз я дочка депутата, то должна быть избалованной стервой! Но я не такая, ясно? Разве в браке не важнее любить другого? Думать о нем, заботиться. Может, меня именно поэтому Игорь и выбрал, ясно?

– Это не повод постоянно себя унижать.

– А я и не унижаю! Это правда, ясно? Просто трезвый взгляд! Я каждый день вижу себя в зеркале, что еще я должна думать? Что я красотка? Я привыкла говорить правду. В том числе самой себе!.. Эй, ты чего там делаешь?

– Свою работу, – Рома уже увлеченно щелкал затвором. – Ты не отвлекайся, не отвлекайся... Голову только чутка разверни.

– Что?..

– Давай-давай. Немного слез для ноября будет в самый раз. И если уж тебя совсем не затруднит, еще опусти немного простынку.

– Эй! – возмутилась она. – Я же получусь опухшей!

– Вот женщины! Говорят не плакать – она плачет. Говорят плакать – она злится. – Рома фыркнул и склонился над видеоискателем. – Вспомни еще что-нибудь грустное.

– Я так не могу...

– «Белый Бим Черное ухо», – услужливо подсказал изувер по ту сторону камеры. – Никому не рассказывай, но я сам рыдал в голос, когда мама дала мне книжку.

– Рома! Мы же договаривались, что все будет красиво и эротично!

– Еще как! А «Бэмби»! Маленький олененок! Одинокий! В лесу! – он добавил голосу трагизма. – И у него убили маму...

– Перестань сейчас же!

– «Король Лев», – продолжал издеваться Рома. – Добрый король погиб, спасая сына... Если ты из-за этого не заплачешь, то ты самая бессердечная из всех, кого я видел.

Юну вдруг разобрало на хохот. Она не знала, чего именно от нее пытаются добиться, но Рома так потешно старался довести ее до слез... Нет, Юну, конечно, дразнили в школе, иногда задевали едким словом на вечеринках. Но даже у мальчишек получалось расстроить ее лучше.

– Ужасная женщина, – насупился Рома. – Ничего святого!

– Ты правда думаешь, что я плакала из-за фильмов? – выдавила она сквозь смех.

– Ах, наврала... – он грозно сдвинул брови. – Ну, держись. Фигура, значит, тебе не нравится? Окей. Ты – толстая.

– Что?..

– Ага. Еще какая. И коленки у тебя некрасивые.

Впервые в жизни мужчина говорил Юне гадости, а она, вместо того чтобы обидеться, хохотала, как ненормальная.

– А вот и нет! – Она задрала простыню, демонстрируя ноги. – Нормальные у меня коленки!

– Кошма-а-ар! – притворно ужаснулся он. – Спрячь сей-

час же! Это нельзя показывать людям! Ни за что! А эти пальцы на ногах? Почему они у тебя такие длинные? Признавайся, ты ими играешь на пианино?

– Рома, прекрати... – Она всхлипнула, задыхаясь от смеха. Вытянула ноги и пошевелила пальцами, отчего Рома завизжал и закрыл лицо ладонями.

– Злая ты! И толстая! И попа у тебя толстая!

– У меня?! – Юна вскочила и повернулась спиной. – Как тебе не стыдно! Ты просто не видел толстых поп! Смотри, – она качнула задом. – Почти не трясется.

– Я больше никогда не смогу уснуть! За что ты так со мной? – простонал он и щелкнул затвором.

– Ага, а сам фотографируешь! Признавайся, спрячешь потом и будешь разглядывать, потому что лучше попы ты не видел!

– Пф-ф-ф... Ничего подобного. Просто отправлю ее на конкурс «Самые ужасные попы мира». А ты пока освободи место на полке для главного приза!

– Бессовестный! Все ты врешь. – Юна сама не понимала, как Роме удалось затянуть ее в какую-то странную игру, но включилась со всем азартом и не могла остановиться. Почему-то, когда он говорил ей комплименты, поверить было трудно. А вот сейчас от всех этих шуточных оскорблений ей до смерти захотелось доказать, что она – самая роскошная женщина, которая только переступала порог этой студии. И как ни странно, Юна сама в это почти поверила. – Может,

скажешь, что есть еще конкурс на самую страшную грудь?

– Есть, – деловито кивнул Рома. – Но я же не могу оставить и этих бедолаг без надежды на победу?

– Вот как, да? Значит, у меня некрасивая грудь?

– Не вынуждай меня. Не хочу, чтобы ты тут опять распустила нюни.

– Я?! Да ни в жизни! Давай вываливай свою правду.

– Окей, – Рома скрестил руки на груди, придирчиво оглядывая свою модель. Юна все еще стояла спиной, придерживая простыню спереди и терпеливо ждала вердикта. – Думаю, если бы японцы захотели снять самый кассовый хоррор всех времен, то твою левую грудь взяли бы на главную роль.

– Что?! – ахнула Юна. – И тебе не стыдно? Ты ее даже не видел! И вообще: почему именно левую?

– Считаю, чутье. Левая нога у тебя короче, левый глаз меньше, а левая половина попы страшнее правой.

– Вот так, да?

– Именно так.

– Ну, держись! – она воинственно прищурилась.

– Да ты не бойся, у меня корвалол под рукой.

Юна медленно повернулась, отшвырнула простыню и поиграла бровями.

– Выкуси! – довольно выдала девушка, подбоченившись. – Что, видел ты где-нибудь грудь красивее?

Рома смотрел на нее как-то странно, игривые искорки в глазах погасли, взгляд будто отяжелел. Казалось, парень за-

был и про фотоаппарат, и про студию, и про собственную игру. Застыл с приоткрытым ртом, лицо вытянулось. Любой более или менее опытный врач, увидев сейчас Рому, небрежно шлепнул бы печать под диагнозом «слабоумие». И не знай Юна, что перед ней не самый традиционный товарищ, решила бы, что он в эту самую секунду испытывает нечто большее, чем простой профессиональный интерес. Или, быть может, он просто устал придумывать колкости? И расстроился, что на ум не приходит ничего остроумного?

– А так? – попыталась поддеть его Юна, заложив руки за голову. От этого движения грудь приподнялась и игриво качнулась.

– Ах, да... – Рома прочистил горло, моргнул и нагнулся к фотоаппарату, что-то там сосредоточенно настраивая.

– Что? – рассеянно переспросила она. – Что-то не так?

– Все прекрасно. Мы будем дальше работать?

Его веселый настрой бесследно испарился, и Юна снова увидела перед собой ворчливого фотографа. Что она ему сделала? Переиграла? Или он обиделся на «выкуси»? Так ведь сам же говорил ей вещи и похуже!

Юна в недоумении взирала на Рому, которого будто подменили. Он возился со штативом, потом зачем-то пошел к окну и опустил светонепроницаемые рулонные шторы, отчего студия погрузилась в полумрак.

– Что, будем воссоздавать японский хоррор? – неуклюже пошутила Юна. Взяла левую грудь и тонким писклявым го-

лоском попыталась ее озвучить. – Дайте мне главную роль! – потом подхватила правую и уже басом продолжила: – Нет, мне. Я хочу первое место на конкурсе!

Но Рома даже не улыбнулся. Проигнорировав кастинг, он расставил ящики в ряд, плюхнул сверху матрас и подушку.

– Если ты закончила, то ложись и выбери, кого будем копировать. Тициан или Рембрандт?

– Если ты не включишь свет, по-любому выйдет Малевич.

Рома неопределенно хмыкнул. Юна так и не смогла разглядеть, смеется он или раздражен. Поэтому, вздохнув, улеглась на ящики.

– Что дальше, гражданин начальник?

– Чтобы получился Ренессанс, нам нужен один источник света, – тоном лектора пояснил Рома. – В зависимости от того, кого ты выберешь, я его настрою. У Рембрандта свет падает слева, у Тициана – спереди. Рембрандт вроде нам подходит, но есть один нюанс. Твоя... хм... стрижка не тянет на Возрождение.

– Да ладно! У меня длинные волосы! – тут же возразила она.

Рома молчал, дожидаясь, пока она догадается, о какой стрижке идет речь.

– Ах, там... – понимающе протянула она и закинула ногу на ногу. – Да я как-то... Ирка сказала, что узкая полоска сейчас в тренде...

– Я не знаю, кто такая Ирка, но Даная про эти тренды не

слышала. Конечно, я мог бы заретушировать... – Рома замялся. – В общем, с этой точки зрения нам больше подойдет Тициан. У его натурщицы нога согнута в колене, и все цивильно. Проблема в другом: у него там то ангелы, то старухи. И хрен знает, как имитировать золотой дождь.

– Золотой... – Юна так резко подскочила, что закашлялась, и слезы снова выступили на глазах. – Чего?.. – прохрипела она.

Рома осуждающе покачал головой и протянул не в меру продвинутой модели телефон с «Данаей» Тициана на экране. Юна всмотрелась в изображение: обнаженная девушка расслабленно полулежала на подушках, а сверху на нее сыпались золотые монеты.

– Ну да, я так и поняла, – смутилась Юна. – Можно и без монет, думаю. Главное воспроизвести позу. Вид у нее, конечно, слегка мутный. Ну, в смысле, если бы в меня летели куски металла, я бы поднапряглась. Но это мелочи. Значит, вот эту ногу согнуть, руку сюда... Похоже?

Рома уже собрался что-то ответить, как вдруг дверь в студию хлопнула, и на пороге показался запыхавшийся Вадик.

– Черт, и это они называют городом неограниченных возможностей! Чуть не сдох, пока достал сено! Зато два мешка, – он прислонился к косяку. – И можете не благодарить: я раздобыл визажиста. Наташа из салона красоты на втором этаже подскочит через полчаса... А чем это вы тут в темноте занимаетесь?

– Снимаем Данаю, – объявил Рома. – Выбирай, мой друг:
ты за старуху или за Купидона?

Глава 8

Роман Кулешов

17 мин.

Я давно был подписан на паблик «Снимай типа Рембрандт», где народ выкладывает фотографии в духе великих шедевров. Но самому поиграть в стилизацию как-то не приходилось. Вот, сегодня перешагнул очередной рубеж. Встречайте (слабонервных, беременных и детей просьба убрать от монитора). «Даная» Тициана. В роли Данаи — Vadim Kupriyanov.

Рома никогда еще не проводил столько времени за фотоаппаратом. Нет, он надеялся, что однажды, когда студия раскрутится, а клиенты выстроятся в очереди, он будет снимать по десять сессий в день, а деньги хлынут, как из брендспойта. Но вот сегодня засомневался, что осилит такие радужные перспективы.

Всего одна клиентка. Всего шесть разных образов – а Роме уже чудилось, что он варится в котле с адской жижей, а черти потыкивают его вилами, проверяя на готовность. И да, Рома был готов. Не как пионер, правда, а как печально всплывший пельмень.

Интересно, чем руководствуются мужчины, которые идут в гинекологи? Может, хотят избавиться от повышенной возбудимости, выбив клин клином? Рассчитывают, что в какой-то момент им просто надоест созерцать объект своей профессии, тайное станет явным, а запретное – до скукоты доступным? Наверное, какой-то смысл в этом есть. Однако пока Рома упорно не мог понять, сколько конкретно дней, недель или месяцев понадобилось бы ему, чтобы перестать реагировать так остро на обнаженное женское тело? И не на абстрактное, а на вполне определенное.

Юна. Восемь долгих часов работы. Устали все: Вадик подрастерял пыл и желание острить, сама Юна, пусть и не просила пощады вслух, периодически бросала голодные и тоскливые взгляды на дверь. Визажистка Наташа и вовсе сбежала, едва преобразив девушку в роковую даму. Но Рома... Это была даже не усталость. Он искренне полагал, что заслужил немедленную канонизацию и нимб, самый большой и яркий из всех, что только возможны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.